

[illegible]

СОСТАВИТЕЛИ
ЧАК ПАЛАНИК,
РИЧАРД ТОМАС, ДЕННИС УИДМАЙЕР

Чак Паланик

Обожженные языки (сборник)

«АСТ»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Паланик Ч.

Обожженные языки (сборник) / Ч. Паланик — «АСТ», 2014

Кто может написать так же, как Чак Паланик? А может, эти начинающие литераторы пишут даже лучше Паланика? Мастер лично отметил достижения молодых талантов, предоставив им место на своем фанатском веб-сайте в качестве дискуссионной площадки, и затем, отобрав лучших из лучших, смешал в палитре этого дебюта сатиру и хоррор, лирику и шок, курьез и мечту. Рассказы, представленные в этом сборнике, получили сотни отзывов со стороны профессионалов и обычных читателей, благодаря которым авторы смогли довести их до совершенства.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Паланик Ч., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Чак Паланик	6
Деннис Уидмайер, Ричард Томас	9
Нил Кролики	10
Крис Льюис Картер	18
Гейл Тауэлл	24
Тони Либхард	31
Майкл де Вито-мл.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Обожженные языки (сборник)

Chuck Palahniuk

BURNT TOUGUES: STORIES FROM CHUCK PALAHNIUK

Печатается с разрешения издательства Medallion Press, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Книга содержит нецензурную брань

© MedallionPress, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Чак Паланик

Предисловие: сила упорства¹

Мои любимые книги – те, которые я до сих пор не закончил читать. Многие из них я сначала невзлюбил: «День саранчи», «1984», «Бойню номер пять». Даже «Сын Иисуса» в свое время показался настолько странным, что я забуксовал и отложил его в сторону. В школе во мне взрастили ненависть к «Великому Гэтсби» и рассказам Джона Чивера. Неужели кто-то ждал, что я, пятнадцатилетний завод по производству прыщей, приму на веру горькое разочарование Ника Каррауэя, человека в два раза меня старше? Мое детство прошло в жилом прицепе, зажатом между тюрьмой штата и ядерным реактором. Благопристойный мир Чивера с его загородными клубами и электричками казался такой же выдумкой, как страна Оз.

Подобные фальстарты случались еще несколько лет, но однажды я нашел полузабытый томик «Информаторов» Брета Истона Эллиса и прочел его от корки до корки в один присест. С тех пор я не раз дарил эту книгу друзьям со словами: «Сначала вы ее возненавидите...»

Как-то раз мы с Эллисом – не считите за бахвальство – ужинали вместе, и он, вспомнив о «Бойцовском клубе», спросил: «Каково это – когда по твоей книге снимают хорошее кино?» Он упомянул и собственный роман «Ниже нуля», чью экранизацию не пнул тогда только ленивый. Странно сказать: я недавно пересмотрел ее и пришел в восторг. «Бэнглз» с песней «Смутная тень зимы»! Галстуки-селедки и широченные подплечники! Брюки-гофре! Я даже проследил, так это было трогательно. Конечно, отчасти свое взяла ностальгия, но дело еще и в том, что у меня прибавилось ума, или прожитых лет, или чуткости, позволяющей ценить и такие истории, которые не говорят обо мне напрямую.

Молодежи нужны зеркала, людям постарше – искусство. Не находя себя и свой мир в книгах Чивера и Фицджеральда, я от них отрекался.

Проиллюстрирую мысль иначе и скажу, что не всегда носил очки. Первые три года в школе я проклинал недоумка, который догадался вешать часы высоко на стену. Какой в этом толк, если их никто не увидит? С баскетбольными кольцами была та же история. Бросать мяч в далекую, едва различимую цель? Бессмысленная игра, что за психи ее придумали?..

А потом, когда мне исполнилось восемь, у меня появились очки, и мир неожиданно обрел смысл. Часы уже не казались смазанным белым пятном под потолком. Загадочный звук, всегда раздававшийся после штрафного броска, получил объяснение: под кольцом была натянута сетка! Голова поначалу немного болела, но я привык.

Вот вам хорошая новость: все мы взрослеем. Даже я. Каждый год я открываю «Рабов Нью-Йорка», «День саранчи» или «Сына Иисуса» и радуюсь, будто взял в руки совершенно новую книгу. Но мы-то знаем: меняется вовсе не книга. Меняюсь я сам.

Это меня еще нужно дописывать.

Как и всех нас, правда?

Настоящим я отказываюсь делить литературу на «хорошую» и «плохую» по первому впечатлению. Со временем сильные тексты останутся в памяти: годы идут, и читатель меняется. То, что в одной эпохе считается образцом вкуса, в следующей быстро забудется. Пусть сейчас у смелых рассказов не слишком внушительная аудитория, со временем она продолжит расти.

Всякую долговечную историю видно по тому, насколько ее появление взбудоражило установившиеся в культуре порядки. Взять, к примеру, «Гарольда и Мод» или «Ночь живых мертвецов»: рецензенты заклеили оба фильма безвкусицей, но они пережили критику, и теперь от них веет уютом, как от пыльных подшивков «Ридерс дайджест».

¹ The Power of Persisting: An Introduction. Chuck Palahniuk, copyright © 2014. Перевод Юрия Балясова.

Мы возвращаемся к неудобным фильмам и книгам, потому что они с нами не церемонятся. Их стиль и содержание требуют от нас напряжения, зато, однажды их полюбив, мы получим кое-что ценное на всю жизнь. Все новое и сложное утверждает свою власть. В молодости мы стремимся завершить себя как можно быстрее: набиваем желудок фастфудом, дом – разным хламом, голову – информацией, печатной, скачанной и вторичной. Мы торопимся потреблять, каждый раз – как последний; наша цель и правда в чем-то похожа на смерть. С годами мы нагружаем свою жизнь всевозможной дешевкой. Совсем как Ник, рассказчик в «Великом Гэтсби», мы попадаем в капкан своего желания построить себя к тридцати годам.

В зрелом возрасте мы ломаем голову, как избавиться от лишних вещей и килограммов. Вот бы вдобавок сделать липосакцию черепной коробки, чтобы выкачать оттуда все бесполезные факты!

Вспомните свои любимые фильмы. В каждом, если подумать, есть эпизоды, которые вы пропускаете, и другие, которые пересматриваете. Последние могут меняться в зависимости от вашего настроения, и только крайности неизменны. Чему сопротивляешься – остается.

Справедливости ради замечу, что последняя фраза взята из одного старого тренинга личностного роста. Во всяком случае, там я впервые ее услышал. Впрочем, такое не грех повторить.

Чему сопротивляешься – остается.

Худшее, что вы можете сделать по прочтении этой книги, – решить, что она вам понравилась от первой до последней страницы. Надеюсь, несколько слов все-таки встанут у вас поперек горла – и чем больше, тем лучше. Пусть эти рассказы расшевелият вас, оставят шрамы. Понравятся они вам или нет – неважно; вы их уже увидели, они вошли в вашу кровь. Вы, может быть, не полюбите их сейчас, но все равно к ним вернетесь; они будут испытывать вас на прочность, помогут укрепить духом и вырасти над собой.

У писателей, которых я знал на заре их карьеры – на семинарах и мастер-классах, – я особенно часто замечал одну слабость: они не способны долго терпеть неразрешенный конфликт. Начинающие авторы стремятся избавить свои тексты от всякого напряжения. Они готовят почву для потрясающих трагедий и тут же сворачивают с пути. У многих из них незадавленное прошлое. Несчастное детство – лучший проводник к секретам писательского ремесла. Человек, которого в детстве жизнь заставляла мириться с родительским произволом, насилием и нищетой, быстро теряет вкус к конфликтам. Напротив, он учится сглаживать противоречия и избегать разногласий. Однако представьте самолет, который скачет по шоссе, не набирая больше тридцати миль в час и касаясь земли каждые пятьдесят футов. А теперь спросите себя: отправились бы вы на таком из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк? Пока писатель не впустит в свою жизнь напряжение, его работам будет не хватать глубины.

Литература, кроме прочего, дарит возможность встретить трудности во всеоружии. Вы уже не ребенок, не жертва. Вы сами создаете конфликт и держите его под контролем. Неделями, месяцами вы наращиваете напряжение, а затем ведете его к развязке. В то же время другие прочитают вашу историю гораздо быстрее, чем вы ее написали. Неудивительно, что дорога к читателю иногда занимает так много времени. Если Фицджеральд потратил на «Великого Гэтсби» год-другой, мне, чтобы проникнуться горьким тоном рассказчика, понадобилось лет десять.

Потратите вы на эту книгу дни или годы, знайте: ее бы не было без сообщества писателей, которое создали Деннис Уидмайер, Мирка Ходурова, Марк Вандерпул и Ричард Томас. Более десяти лет они вели творческую мастерскую, где авторы со всего мира могли шлифовать свой талант и заводить новые знакомства. Рассказы, которые вы читаете, пережили сотни отзывов и стали только лучше. Даже мои замечания не смогли их испортить. Джой Уильямс, одна из моих любимых авторов, однажды сказала: «Пишут не для того, чтобы заводить друзей». Она совершенно права, и все-таки это выходит само собой. По дороге ты заводишь друзей.

Я надеюсь, эти рассказы вам понравятся. Некоторые я уже полюбил; с другими все впереди. Вкусы меняются. Кому не терпится себя порадовать, пусть посмотрит в зеркало. До конца жизни я – уже другой я – снова и снова буду возвращаться к этой книге, зная, что еще не дочитал ее до конца, потому что и сам никогда не буду закончен. В итоге вы и я – мы оба полюбим ее от первого до последнего слова. Эти рассказы, словно дюжина очков, откроют перед нами новые миры. От будущего поначалу всегда болит голова.

Деннис Уидмайер, Ричард Томас

От редакторов:

Откуда взялись «Обожженные языки»²

Что означает фраза «обоженные языки»? Она берет начало от Тома Спэнбауэра и его прославленного ученика – да, вы угадали, Чака Паланика. К прозе Паланика и его студентов применяли самые разные определения – «трангрессия», «минимализм» или, скажем, «гротеск». Все они более чем уместны. В статье, опубликованной в «Лос-Анджелес уикли», Паланик определяет «обоженный язык» как «способ сказать что-то, но сказать неправильно, спутанно; зацепить читателя, заставить сосредоточиться, не позволить скользить по поверхности абстрактных образов, рубленых наречий и штампов». Мы все стремились именно к этому – писать рассказы, которые заставляют задуматься, вернуться к прочитанному, испытать те чувства, которые автор создал с помощью слов.

В 2004 году на «Культе»³ возникла идея творческой мастерской для талантливых авторов, с уроками и статьями от Чака Паланика. Годы спустя, когда Чак согласился читать и рецензировать чужие работы, мы поняли, что стоим на пороге большого события. Начинающим авторам выпал редкий шанс, и новость произвела среди них фурор. Наш сайт собрал столько талантливых новичков, уникальных историй и точек зрения, что мы сразу оценили огромный потенциал идеи.

В течение следующих двенадцати месяцев, в 2010–2011 годах, команда преданных делу читателей изучала тексты, в огромных количествах поступавшие в мастерскую. Раз в месяц из сотни с лишним рассказов каждый отборщик составлял шестерку лучших – всего получалось от пятнадцати до двадцати (иногда один рассказ выдвигали сразу несколько человек). Этот «Большой список» мы затем сокращали до «Финальной шестерки» и отправляли Чаку. Он читал их и рецензировал, а его замечания публиковались на сайте, чтобы все могли, изучив и обдумав их, отшлифовать и довести до готовности собственные работы.

В 2011 году мы представили Чаку семьдесят два лучших рассказа, и из этого списка он выбрал двадцатку сильнейших, достойных войти в антологию, – этот сборник, «Обожженные языки», вы сейчас и читаете.

По пути не раз случались фальстарты и наступали периоды длительного молчания, но мы знали, что проект должен жить, и продолжали его продвигать, меняли планы, искали способы удержать его на плаву. Мы прилагали все силы к тому, чтобы рассказы увидели свет, а их авторы добились заслуженного внимания. Пока проект развивался, некоторые из них успели обзавестись литературными агентами, подписали контракты и вышли к читателю с другими своими текстами, так что интуиция нас, похоже, не подвела.

Мы надеемся, вам понравятся эти рассказы – они не для слабых духом, но мы увидели в них глубину, характер и правду. Это сильная проза, и она должна остаться с вами надолго.

² From the Editors: The Genesis of Burnt Tongues. Dennis Widmyer and Richard Thomas, copyright © 2014. Перевод Юрия Балясова.

³ «Культ» – официальный фан-сайт Чака Паланика, www.chuckpalahniuk.net.

Нил Кролики Пережить⁴

Смешиваете одну часть соли для ванн с двумя частями пестицида, а сколько у вас времени – зависит от того, какому вебсайту вы доверяете. Корин включает музыку на айпode; скорее всего, дольше шестой песни не протянем. Подборка «Жестокий мир». Дана с телефона обновляет статус на фейсбуке: «Дана готова». Пишет свой прощальный твит: «ХОХО, всех прощаю... Шутка». Последний пост в блоге Корин начинается словами: «Люди, все плохо. Вы сами виноваты». Мы все проголосовали за эту строчку: из двух окончательных вариантов этот, типа, самый грустный.

Там, на сайтах, ничего не разобрать, пока не выберешь «С японского» – «На русский» – «Перевести». И даже в переводе чушь какая-то, но главное мы поняли. В интернете пишут, что рецепт проверен и надежен. Самоубийство, продуманное, как хороший японский автомобиль, – логично, ведь японцы и придумали. В Японии с самоубийствами все круто. Потерял работу, потратил все деньги, нечем кормить детей? Закрываешься в машине с заведенным двигателем в запертом гараже, а никому и дела нет. Или стреляешь себе в рот, или, там, прыгаешь с высоченного здания. Или смешиваешь химикаты, которые в общем-то смешивать не положено, и запираешься с этой смесью в комнате. Все в порядке. Дело чести и все такое.

Пули в рот и прыжки с верхотуры нас не привлекали, ведь тогда на похоронах гостям достанется только рыдать над гламурной урной, в которую аккуратно упакован сожженный прах. Маме и отчиму придется любоваться фотографией в красивой рамочке, сделанной на танцевальном конкурсе. Нет уж, так легко вы не отделаетесь.

Пару недель назад, когда по телевизору шел репортаж о прокатившейся по Японии волне самоубийств с использованием моющих средств, ведущая, конечно, не продиктовала подробную инструкцию о том, как это повторить, но наговорила достаточно, чтобы остальное можно было нагуглить. «Сотни японцев лишили себя жизни, смешав вот эту марку соли для ванн (картинка в правом верхнем углу) с вот той маркой пестицида на основе извести серы (картинка в правом нижнем углу)».

Японские копы закрывали один сайт с инструкцией, и тут же возникали пять других. Из страны, в которой создают все эти новенькие гаджеты для облегчения жизни, появился способ облегчить и смерть.

Все просто, как япона мать.

В общем, задолго до того, как приступить собственно к смешиванию, нужно стащить данные маминой кредитки и забронировать самый лучший номер на верхнем этаже Ритц-какого-там в центре города. Сказать чуваку за стойкой, что родители приедут чуть позже, а пока пусть даст ключ от номера. Мол, мы с подругами тут потусуемся. Платный канал по телику поглядим.

В комнате прыгаете на кровать с балдахином. Распахиваете окна, чтобы взглянуть сверху вниз на город в последний раз, а затем достаете из сумки метры прозрачной пленки.

* * *

P. S. Следующая часть почему-то затягивается.

⁴ Live This Down. Neil Krolicki, copyright © 2014. Перевод Екатерины Костиной.

* * *

Одна из нас встает на крышку роскошного фарфорового унитаза и придерживает душевую шторку под самым потолком. Вторая зубами отрывает метровые полосы серебристой изоляции и приклеивает листы прозрачного пластика на стены и на пол. Внахлест, разглаживая пальцами по всем поверхностям: по встроенной кварцевой раковине, по стеклянным плафонам, по мраморному полу. Везде, кроме ванны-джакузи на восемнадцать массажных форсунок.

Вся эта подготовка, превращение ванной комнаты в гигантский презерватив с застрявшими внутри него тремя девицами – такая морoka! Но если вы не собираетесь прикончить целую гостиницу, полную собак и кошек, если не планируете устроить массовую эвакуацию, да еще чтобы по дороге в больницу всех тошнило, тогда надежная герметизация из пленки просто необходима.

На двери ванной снаружи приклеена подписанная Корин табличка с изображением черепа: «Ядовитый газ – не входить!!!» Чтобы завтра утром, когда горничные придут убрать в номере, никто не открывал ванную комнату без специальных защитных костюмов из брезента, со встроенными противогазами. Дана говорит, надо было и на испанском предостережение написать.

Мы с Даной вдвоем вынимаем тяжелые канистры из чемодана на колесиках и выливаем содержимое в ванну; у Корин пальцы слишком толстые – сложно взяться за ручку. На этикетках нарисованы муравьи и тараканы, в ярких красных кружочках, перечеркнутых по диагонали. Корин начинает сыпать в ванну соль. Сначала одну коробку – до последней крупинки, потом вторую и третью. Последний раз вдыхаем чистый воздух, и вот Корин включает воду. И тем же пальцем жмет на кнопку на айпode, по обеим сторонам динамики.

Корин все видели в интернете, а кто не видел, тот не учится в Уотсонской средней школе. Правда, в школе все зовут ее Кошатницей, а не Корин. Сама она утверждает, что это видео, которое гуляло онлайн, которое все постили, перепостили, получали по электронной почте и пересылали друг другу миллион раз, – подделка. В столовой придурки ржали над ней и облизывали губы, а она вопила: «Все не так! Я этого не делала!»

А ее в ответ дразнили: «Кошатница! Кошатница!» И всю обеденную перемену завывали и мяукали.

Вот почему Корин уходит обедать за школьную территорию и ест, сидя на кипе старых газет, у магазина за три квартала отсюда, там, где никто не обзывается. Где никто не увидит у нее три сэндвича с ростбифом, мешок чипсов, четыре шоколадных батончика и банку диетической колы.

В тот вечер какой-то парнишка снимал на видеокамеру, как его приятели швыряли туалетную бумагу на крышу дома Корин. Как они разматывали рулоны вокруг деревьев. Разбрасывали спички с белыми головками по ее газону, чтобы в следующий раз, когда начнут косить, трава загорелась. Он включил ночной режим, отчего картинка переливалась зеленым, как будто в рентгеновском излучении, и снимал, как мальчишки замазывают дверные замки горчицей. Камера записала смех и хихиканье – это хулиганы просунули садовый шланг в окно нижнего этажа и включили воду на полную мощность. А потом, приблизив объектив, чтобы запечатлеть размазывание светлой обувной краски по окну гостиной, оператор застал Корин в тот самый, ужасный момент.

Даже сама Корин признает, что на видео кажется, будто она лежит голышом на диване в гостиной, без юбки и лифчика. А две пары сверкающих кошачьих глаз как будто пялятся на голое тело, и шершавые язычки быстро-быстро что-то слизывают, – ну, если вы хотите разглядеть именно это. А на самом деле она всего лишь держала на руках Шебу и Сэм-Сэма.

Кто бы что ни говорил, не мазалась она ни арахисовым маслом, ни сиропом. Не было такого! Можно же собственных кошек погладить, а? А на видео все выглядит неправильно. Все вранье.

Именно так утверждает Корин – даже теперь, когда в ванне все шипит и булькает, словно в воду бросили пакет с взрывающимися леденцами. Вот только бурлит там не гуарана, не таурин и не кофеин. Это сероводород. За научную часть всего этого мероприятия меня нужно хвалить. Можно подумать, что над ванной плывут густые волны пара, как будто испарения сухого льда над чашей пунша на Хеллоуин, но на самом деле все иначе. Ничего как будто и не происходит, только на языке вдруг такой вкус, будто держишь во рту девятивольтовую батарейку.

Дана наклоняется над ванной, но тут же отшатывается.

– Фу! Что там такое? – говорит она. Трет глаза. Морщит свой хорошенький носик, кривит глупенькое кукольное личико.

Достаньте любой кубок из стеклянной витрины в школьном вестибюле – бег, футбол, баскетбол, местные соревнования, национальные чемпионаты, – на каждом выгравировано имя «Дана Веккьо» и на каждом – золотые человечки в атлетических позах. Посмотреть, как она играет, приезжали тренеры старших классов, рисовали ей картины будущего. Мы с Даной даже никогда не заговаривали друг с другом, – до окончания нынешних зимних каникул, когда ее поклонникам вдруг стало интересней общаться с кем-то еще.

У парня, с которым Дана встречалась еще с первой четверти, была вечеринка. Его родители частенько уезжали по выходным, а выпивку не прятали – ведь у сына такие хорошие оценки и спортивные успехи. Дана все время была с ним, была в его обществе – и сделалась королевой спортивных качков. В общем, вот она на вечеринке, развлекается по-королевски, глушит лимонады с водкой, занимается петтингом и думать не думает ни о чем плохом, и тут кто-то зовет всех на улицу, в горячее джакузи.

Уж не знаю, сколько в эту ванну могло народу втиснуться, но они туда набились еще плотнее. Дана говорит, там куча-мала в трусах и лифчиках бултыхалась, в бурлящей воде с хлоркой, опрокидывая рюмку за рюмкой. Руки, ноги, груди... а они все со своим парнем обжимались, тут же, в джакузи. Веселились, пили «Егермейстер».

Она попалась на его слюнявые фокусы. Все эти обжимания в спальне в нижнем этаже, засосы на шее. Он так старался не кончать в нее, а после, кончив на живот, всегда тщательно стирал сперму теплым, влажным полотенцем. Нашелся еще, убежденный сторонник теории о пользе спермы для кожи. Вот такие уж у Даны убогие представления о рыцарстве.

Ну да, пили. Да, мешали лимонад с алкоголем. Но Дану послушать, так когда ее парень начал совать пальцы ей в трусы, ее вообще не парило, что в джакузи полным-полно народу. Они там любились вовсю. По полной программе.

И вдруг кто-то взвизгнул.

Кто-то чертыхнулся.

Сладкая парочка уже не целовалась, и Дана открыла глаза. Вода бурлила красным, густо, так, что даже лампы под водой окрасились в кровавый цвет, как будто в Валентинов день.

Какая-то девчонка завопила: «Боже мой!»

Парень Даны поспешил отдернуть пальцы, но от этого вода вокруг нее еще сильнее заалела, снизу за клубились полосы коричневого, точно паутина шоколадного сиропа, всплыли какие-то полупрозрачные пленки, забурили под фильтрующей трубой.

Мокрые купальщики толкались, торопливо выбираясь из джакузи; повсюду ржавая вода, багровые ошметки...

Все жмурились, визжали, наглотавшись красного. Цеплялись за бортики, пьяные, вываливались из джакузи на ледяной бетон.

Гости бросились в дом, набились в душевые кабины – в ванную этого парня, в родительскую спальню, в комнату младшей сестры; блевали, плевались, передрались за душевую лейку.

Дана – снаружи, одна, в расплескавшейся джакузи, кровь смешалась с хлорированной водой. Плачет. Не до смеха.

На следующий день ее гинеколог назовет случившееся логичным выкидышем. Серьезно, я не придумываю. Но для Даны ничего логичного в этом не было, ведь она понятия не имела, что вот уже двенадцать недель пропивает здоровье и умственную полноценность своего ребенка. Не представляла, что каждый бокал пива, каждая затяжка бесповоротно уничтожают зародившуюся в ее нутре фасолину, которая весила тогда даже меньше, чем сама Дана при рождении. Вообще-то, ее врач не утверждает, что именно выпивка привела к аварийному сбросу груза, но и на пользу она не пошла.

С тех пор имя Даны на спортивных кубках больше ничего не значит. Вряд ли можно новыми победами перекрыть тот день, когда ты всю толпу в бассейне забрызгала ошметками своего нерожденного младенца.

* * *

Пока в ванной замешивается смертельный коктейль, Корин достает телефон. Хочет сфотографировать нас всех втроем напоследок, пока еще не поздно. Ну уж нет. Меня – ни за что. Она бормочет: «Извини», потом «Прости, пожалуйста». Эти дурацкие телефонофото могут жизнь порушить. Спросите моего бывшего, Тревора. Спросите всех его знакомых.

В обед Тревор приезжал за мной из другого школьного здания, в котором учатся старшие классы. У него был джип с откидывающимся верхом. Я очень медленно потягивалась и забиралась внутрь – чтобы все вокруг, каждая девчонка, у которой не было такого взрослого парня, как у меня, позеленела от зависти. Когда мы сворачивали за магазин, я разрешала целовать себя с языком, залезать ко мне под майку. Он вжимал меня в сиденье, шарил по спине, нащупывая застёжку от бюстгалтера... пахло от него сосисками и сиропом – после завтрака. Вечно старался до трусов добраться, такая уж натура – и мне приходилось его притормаживать. Я убирала его пальцы со своей ширинки и говорила: «Полегче, включай понижающую передачу». А когда он доставал из джинсов свою розовую твердую штуку, я вспыхивала: «Жми на тормоз!»

«Уважай мои границы» несколько раз подряд – и вот уже Тревор перестал ездить ко мне в обеденную перемену. Больше не возил домой после школы. Мне пришлось трястись на автобусе с остальными неудачницами, и все надо мной глумились. Ничего хорошего.

А он не отвечал на мои сообщения, пока я не прислала еще и фотографию. Щелкнула себя в зеркале ванной комнаты, в довольно-таки распутном виде: губы блеском накрасила и слегка выпятила, волосы взъерошила, рубашку слегка расстегнула. Высший класс, знаете.

В ответ – СМС от Тревора: *неубедительно*.

Непотребство: Фаза 2 – рубашку долой, расстегиваю пуговицу на джинсах.

Щелкнуть фото. Отправить.

СМС в ответ: *уже теплее*.

Следующий ход – не самая моя умная затея, это правда, но теперь уже оставалось либо слать свои фото без лифчика, со спущенными джинсами, либо снова встречаться с одноклассниками. Снова ходить в кинотеатр в торговом центре, зависать в кофейне, а ездить куда-то – только с родителями. Ну, правда!

Щелкнуть. Отправить.

В общем, сразу же случается то, чего я меньше всего хочу. Фотографии летают со скоростью эпидемии ЗППП. Тревор отправляет их двум друзьям, которые отправляют их двум друзьям, и так далее. И в конце концов мой порно-образ практически нагишом, в изогнувшейся позе, попадает в телефоны ко всем парням в старшей школе, в которую я должна перейти на будущий год.

* * *

Р. S. Хранение моих фотографий топлес у себя в телефоне, рассылка по всему списку контактов и публикация в интернете – все это называется распространением детской порнографии. Это уголовное преступление.

* * *

Об этом и сообщают полицейские всем парням, прикованным наручниками к сиденьям в автобусе с железными решетками на окнах. Каждому, кого сняли с четвертого урока и записали в длинный синий фургон с эмблемой шерифа на борту, подъехавший к зданию школы. Операторы мобильной связи обязаны сообщать копам обо всех случаях передачи «потенциально незаконного контента».

Я ору на копов, топаю ногами, плачу, твержу, что никто не заставлял меня фотографироваться, что я сама так придумала... В ответ – ноль эмоций.

Эти парни – все, с кем я хотела бы встречаться. Старшие братья каждого, с кем я надеялась пойти на выпускной... У всех теперь – привод в полицию, из-за меня. Вся мужская половина учебного курса вынуждена, по решению суда, посещать реабилитационные группы для сексуальных маньяков, каждого внесли как секс-преступника в федеральную базу данных. Теперь им всем придется еще долго-долго после окончания школы раз в два года отмечаться у сотрудников социальных служб.

А знаете, сколько девушек обрадуются, что из-за какой-то дуры их парней считают педофилами? Нисколько! И все они на будущий год не захотят иметь со мной ничего общего – точно так же, как девчонки в этом году.

* * *

Не считая металлического привкуса и першения в горле при каждом вдохе, ванная комната, превращенная в смертельный воздушный шар, никаких болевых ощущений не вызывает. В интернете не наврали.

Мы сидим кружком, точно индейцы, привалившись кто к унитазу, кто к навороченной ванне, со всех сторон поскрипывает пластиковая обертка. Играет песня то ли пятая, то ли седьмая – мы уже сбились со счета. Во рту пересохло, словно ваты наелись; глаза у каждой закрыты, хотя мы вроде и не устали.

Только кашляем непроизвольно. Легкие выворачивает при глубоком вдохе, так что когда Дану скрутило от кашля, мы ничего не стали делать. Ну, как бы и ждешь удушья и нехватки воздуха в подобных обстоятельствах... вот только никто не рассчитывал, что ее будет тошнить спагетти, прямо на стену. Дана еще даже не успела вытереть губы, как согнулась Корин и тоже вытошнила свой обед через стиснутые зубы.

А мне всего лишь хочется спокойно надышаться ядовитым газом. Уйти своей дорогой – ну, типа, элегантно и все такое. Видно, слишком многого хочу.

Изнутри меня терзает электропила, к горлу подкатывает и выплескивается последний завтрак – на застеленный пленкой пол, туда, где уже дымит чужая рвота. Спагетти Даны. Жареная курица Корин. Мой овощной буррито. То, что мы считали последней едой в этой жизни, перемешалось в жидкую кашу, стекает у нас по щекам.

* * *

Р. S. В интернете про такое не писали. Никто не предупредил, мол, подумайте, что съесть, ведь этим же и блевать будете.

* * *

Дана согнулась пополам, обхватила себя руками, а тут и Корин второй приступ накрыл. Обед Даны – вторая порция – извергается из зажатых руками губ, а следом рвет и меня, я извиваюсь и всхлипываю, как будто меня кто-то мутузит.

Рвота мешается с кровавой слизью, и уже не разобрать, кого из нас стошнило. Корин заливается слезами, с подбородка капает вода и слюни. Дана пытается убрать с лица мокрые, спутанные пряди черных волос, карие глаза расширились от ужаса.

Азиаты ничего подобного не описывали.

Никакого спокойствия.

Никакого вам спокойствия.

Ни безмятежности.

Ни быстроты.

* * *

Меня сотрясает новая волна боли в животе, а Дана с трудом пытается встать на ноги, оскальзываясь в липкой жиже. Я не успеваю продышаться, закричать «*Не надо!*», а она уже проковыряла пальцем в пленке дыру и сует в нее голову. Разрывает края руками, высовывается, распахивает дверь ванной.

Я ору: «Подожди!»

Но она уже ныряет в отверстие в пленке, выскальзывает в спальню, точно новорожденный младенец из утробы.

Я всем телом наваливаюсь на Корин, хватаю ее за вымокший капюшон.

«Нельзя сдаваться!»

Толстая Корин отталкивает меня прочь, рвет пленку руками и падает прямо на Дану из двери ванной. Обе они перепачканы в блевотине.

Я подползаю на карачках к проему и с трудом выпихиваю девчонок вон, еле закрываю за ними дверь. Встаю. Чтобы запереть замок, нужна всего секунда, но и за это время пол вздымается мне навстречу, колени подгибаются. Падаю лицом на нарядный мрамор, покрытый пластиком и рвотой – удар, вкус крови во рту.

Девчонки стучат в дверь снаружи, что-то кричат мне... так далеко... Я думала, что завтракаю сегодня в последний раз. Что больше не увижу маму. Не услышу эту песню. Так я запланировала с самого начала.

В раю просыпаюсь отнюдь не в объятиях скончавшейся бабушки.

Никаких вам облаков, Иисусов и поцелуев. Слишком яркий свет, и кто-то пальцем в перчатке придерживает мне веки, не давая закрыть глаза. Кто-то кричит, тычет мне в руки иглами, какие-то люди заглядывают мне в лицо и задают вопросы, точно из викторины.

– Ты знаешь, какой сегодня день?

– Сколько будет два плюс два?

– А в каком мы штате живем, помнишь?

Дураки какие-то, а не ангелы.

* * *

Потом, когда уже понятно, что это больница, лежишь ничком в зашторенной комнате. Из коридора вваливается какой-то мужик в халате (в кармане у него ручек восемь напихано, нос длинный и толстый) и рассказывает, как тебе повезло, умереть от таких реагентов не вышло бы.

Чертов интернет.

Этот больничный психиатр, д-р Коллекционер ручек, утверждает, что хоть всю ночь в той ванной просиди, ничего страшнее рвоты с нами не случилось бы. И ужасная, кошмарная мигрень.

Чертова Япония.

Доктор Носатый говорит спокойным, низким, ровным голосом, и вот я уже мысленно переносусь в кабинет психотерапевта, на две недели назад, забросавшего меня все теми же вопросами для оценки психического состояния.

«Тебе кажется, что нет надежды? Что больше ничего хорошего не будет?»

Ерзаю на неудобном мягком стуле в приемной у психотерапевта, а напротив еще две девчонки считают ромбики на ковровом орнаменте.

Всех нас сняли с уроков, вручив одинаковые розовые записки, вызывающие на «беседу». Мы и знали, и не знали друг друга. Толстой девочке я сказала, что про видео с кошками болтают какую-то чушь. А спортивной брюнетке заявила, что неплохо бы всем заткнуться и не болтать про тот случай в джакузи, что никто из этих придурков не имел никакого права ее судить.

Девчонки посмотрели на меня и улыбнулись.

Доктор Носатый все никак не уймется с расспросами. Если бы у меня в желудке еще что-то осталось, меня бы стошнило с первого же захода про «расскажи-мне-как-ты-докатилась-до-такого».

Надо было взять очиститель для унитазов и аммиак. Или отбеливатель и гербицид.

Позади доктора, оценивающего мои дальнейшие риски по суициду, позади слоняющейся по коридору мамы бредет коричневый человечек с тележкой, полной моющих средств и щеток. Прыскает на дверные ручки и номера кабинетов из флакона с какой-то малиновой штукой, похожей на газировку.

Доктор интересуется, все ли у меня в семье хорошо.

Где-то в недрах этой же больницы те же самые вопросы задают Корин и Дане. Теперь мы – «те самые» девицы, не способные даже убить себя правильно. Наши предсмертные записки перепечатывают и передают из рук в руки, для смеха. Копируют и пересылают по бесконечным адресным книгам.

Док спрашивает, не сидела ли я на антидепрессантах.

Коричневый человечек все прыскает и прыскает, и неслышно протирает.

* * *

Теперь уж в школе только и ждут, что мы себя прикончим. Сюрприза больше не выйдет. По школе разойдутся календари – для пари на предполагаемую дату очередной попытки «этих несчастных идиотов». Будут спорить и о способах самоубийства. Нас с Корин и Даной заспамят полезными советами по электронной почте: «Пуля в рот не подведет» и все в таком духе. С подробнейшими инструкциями о том, как угореть в автомобиле. С картинками.

Док бубнит: «Подумай только, как расстроятся твои друзья».

Интересно, сложно ли будет подменить прозрачную жидкость в моей системе для пере-
ливания крови на вот эту вот ядовито-малиновую «газировку» для уборки? Зуб даю, фигня
вопрос. Что уж тут трудного.

Просто, как япона мать.

Крис Льюис Картер Чарли⁵

Приют уже закрыт, но кто-то все равно стучит в дверь – три быстрых, отчаянных удара.

– Эй! – раздается мужской голос. – Есть тут кто?

Еще три удара.

– Помогите!

Внезапный шум приводит и без того взвинченных животных в иступление. Облезлые собаки лают и скребут двери клеток. Старые драные кошки орут, ни на секунду не умолкая. Задняя комната наполняется истошным воем и звоном металла.

Еще три удара.

– Я знаю, вы там, чтоб вам пусто было! Ваша машина на парковке стоит!

Черт...

Уходить он не собирается, поэтому я включаю наружное освещение и двумя пальцами раздвигаю пластинки висящих на двери жалюзи. Посетитель испачкал стекло чем-то красным, и мне почти ничего не видно – только длинную тень, ведущую к паре мокасин.

Я раздвигаю жалюзи в другом месте и вижу крупного мужчину в коричневом пальто и фетровой шляпе в тон. Одной рукой он прижимает к себе коробку на двенадцать банок пива «Будвайзер», другой осторожно придерживает проседающее дно.

– Ну наконец-то! – говорит он и, слегка подавшись вперед, встречается со мной взглядом. – Открывайте. Каждая минута на счету!

– Мы уже закрыты, – произношу я одними губами, но это его не расхолаживает.

– Вы не понимаете! Ее чуть не замучили. Один глаз вообще... Господи, я-то думал, вы люди гуманные!

Звериный концерт в задней комнате стихает. Сквозь дверь я слышу, как из коробки «Будвайзера» доносится мяуканье.

Натужное.

Жалкое.

Отчаянное.

Черт...

Через несколько секунд мы оба стоим в крошечном кабинете, заваленном стопками бумаг и обмусоленными собачьими игрушками. Со стен улыбаются фотографии детей с новыми питомцами на руках. Воняет мочой и заплесневелым сухим кормом.

Мужчина ставит коробку на стол, откидывает картонные створки и, с шумом втянув воздух сквозь сжатые зубы, достает из коробки растрепанный комок черной шерсти, скользкий от крови.

– О господи... Гляньте, что с ней сделали!

Мужчина проводит рукой по ее блестящей спине, и кошка поворачивает ко мне голову.

– О господи... – эхом повторяю я.

Чудо, что она до сих пор жива: в боках и спине глубокие колотые раны, правый глаз вываливается из покрытой запекшейся кровью глазницы – не глаз, а вздувшийся мешок кровеносных сосудов с дыркой в оболочке.

Кошка чихает, и на мой халат оседает облачко красного пара.

У меня холодеют руки.

– Мать твою... Уму непостижимо!

⁵ Charlie. Chris Lewis Carter, copyright © 2014. Перевод Татьяны Зюликовой.

Но потрясен я не видом кошки. За последние семь лет я на всякое насмотрелся: рваные уши и сколотые зубы, сломанные хвосты и раздробленные лапы. Каждый день к нам в приют попадают животные, на которых смотреть страшно, жертвы человеческой жестокости или хозяйского недосмотра.

Нет. Меня подкосила отметина на голове у кошки – жирная белая клякса в виде звезды со скругленными лучами, доходящая до середины ушей.

Совсем как у Чарли.

И возраст примерно тот же: даже если эта кошка оправится от побоев, ей так и так скоро умирать.

Она пристально смотрит на меня единственным здоровым глазом – светло-голубым, окруженным толстой красной коростой, – и в мозг, точно осколки битого стекла, вбиваются воспоминания.

– Я нашел ее рядом с парком на Гринвуд-авеню, – объясняет мужчина. – Какие-то мелкие придурки тыкали в нее палками. Вы ведь ей поможете, правда?

Я тру лоб, пытаюсь привести мысли в порядок.

– Извините, сэр, но здесь просто приют. Мы не оказываем медицинскую помощь. Ее нужно отвезти в ветеринарную клинику.

Он поглаживает кошку по голове. Даже представить страшно, каково ей сейчас, и все же она подставляет ухо и начинает мурлыкать.

– И там ей помогут?

Пальцы мужчины размазывают капельки крови по белому пятну на голове у кошки, окрашивая его в бледно-розовый цвет.

– Конечно. Но без операции тут не обойтись. Придется выложить несколько сот долларов.

Он смотрит на меня так, словно я спросил, какой у его жены размер груди.

– Господи, да вы что? Я же не собираюсь оставить ее себе! Просто хотел спасти, отобрать у этих мелких уродов.

Кошка обнюхивает его раскрытую ладонь. Он закрывает глаза и делает глубокий вдох.

– Что с ней будет, когда я уйду?

Я объясняю, что если оплатить лечение некому, приют берет медицинские расходы на себя – при условии, что повреждения не слишком тяжелые, а животное достаточно молодое. В данном случае мы, скорее всего, порекомендуем усыпление.

Инъекция пентобарбитала натрия.

Быстро и безболезненно.

Со стороны, наверное, я выгляжу последним мерзавцем, но что поделаешь? Я связан по рукам и ногам. Приют и так уже переполнен, да и вообще, вряд ли кто-нибудь захочет взять престарелую кошку, тем более изувеченную.

Такова уж печальная правда: приюты существуют не для того, чтобы спасать животных. Вовсе нет.

Приюты существуют, чтобы тешить людское самолюбие. В обмен на двадцать баксов и положительную характеристику мы ублажим любого, страдающего комплексом мессии на ранней стадии.

Сюда приходят не просто за питомцем. Людям нужна добротная душещипательная история, которую можно рассказывать друзьям и родственникам. История о том, что только у них нашлось достаточно любви и сострадания, чтобы дать бедному, обездоленному животному шанс на нормальную жизнь.

Впрочем, здесь есть одно «но»: история не должна быть чересчур добротной. Потому что чересчур добротная история, как правило, предполагает тяжкий труд или, что еще хуже, животное с отталкивающей внешностью.

Люди подыскивают себе слегка недокормленную кошку тигрового окраса, а не совершенно слепую американскую короткошерстную. Немецкую овчарку с вислым ухом, а не бордер-колли с хроническим поносом.

Каждый мечтает поиграть в спасителя, но никто не хочет забирать животных, которые действительно нуждаются в спасении.

Кошка мяукает, как будто отлично понимает, что ее ждет. Она снова глядит на меня своим светло-голубым глазом. Глазом Чарли.

– Можете вы хотя бы оказать ей первую помощь? – спрашивает мужчина. – Чтобы она не так мучилась?

Мне хочется сказать, что уже слишком поздно. Что бы я ни сделал, легче от этого станет не кошке, а только ему самому. Но, глядя, как он крепко прижимает ее к груди и осторожно почесывает белую отметину в форме звезды, я отвечаю:

– Да, конечно.

Мужчина кивает, потом резко выдыхает, отчего все его подбородки слегка подрагивают.

– В хреновом же мире мы живем, если у детей теперь такие развлечения.

– Не волнуйтесь. Когда-нибудь они об этом пожалеют, – говорю я и неожиданно для себя самого добавляю: – Даже если не хотели причинить ей вреда.

Мужчина сощуривает на меня глаза.

– По-вашему, это несчастный случай? Да эти мелкие засранцы... – Он ненадолго замолкает, а потом произносит: – Мы ведь сейчас не об этой кошке говорим?

Черт...

Я не упоминал о Чарли целых пятнадцать лет, но что-то в этой искалеченной бродяжке, настолько на нее похожей, вытягивает из меня признание. Она – священник в кошачьей шкуре, готовый выслушать мою исповедь.

– Девятый день рождения моей сестры, – начинаю я.

Джессика была избалована до ужаса и всегда требовала только самого лучшего. Наши родители с трудом сводили концы с концами, но в том году они как-то ухитрились устроить на заднем дворе настоящий парк развлечений: взяли напрокат миниатюрного пони и надувной замок и закупили штук сто огромных шаров из фольги, наполненных гелием.

Все это я объясняю, натягивая чистые резиновые перчатки.

– Отношения у нас с Джессикой были не самые дружеские, – продолжаю я. – По правде говоря, мы друг друга терпеть не могли. Сестра никогда не упускала случая посмеяться над моими очками и кривыми зубами.

Я вытаскиваю из стоящей на столе коробки ворох одноразовых салфеток и осторожно промокаю бока и спину кошки. На бумаге тут же расцветают темно-красные кляксы.

– На глазах у всех гостей Джессика распаковала целую гору подарков: игр, игрушек и одежды, которой хватило бы на два шкафа. Любая нормальная девчонка была бы на седьмом небе, но эта только скрестила на груди руки и надула губы. И вот сидит она посреди лужайки в своей короне и коротком красном платье с таким видом, словно не получила ничего, кроме непарных носков.

Кошка снова чихает. Еще одно алое облачко опускается на пол и оседает на изжеванную тряпичную куклу, из которой торчит набивка. Кукла отправляется в помойное ведро вместе с грязными перчатками и салфетками, насквозь пропитанными кровью.

– И тут наши родители торжественно выносят из дома картонную коробку, – продолжаю я, надевая чистые перчатки.

Мама гордо объявила, что у них есть еще один подарочек для любимой доченьки. Все сгрудились вокруг Джессики. Она распахнула картонные створки коробки и завизжала от восторга.

Мужчина хмыкает:

– Дайте-ка угадаю. Кошка?

– Котенок, – отвечаю я и достаю из ящика стола аптечку первой помощи. – Не старше двух месяцев. Джессика запустила руки в коробку и вытащила оттуда крошечный комочек шерсти. Чисто черный, только на голове белая отметина.

Глаза мужчины сначала сужаются, потом широко распахиваются.

Испачканным в крови пальцем он обводит по контуру порозовевшее пятно на голове у кошки, но ничего не говорит.

– Джессика тут же окрестила кошку Чарли, потом обняла родителей и объявила, что именно о таком подарке она и мечтала. Затем сестра принялась расхаживать по двору с Чарли на руках, давая всем ее погладить.

Всем, кроме меня.

Я достаю из аптечки небольшие ножницы и подставляю под кошку помойное ведро. Пока я срезаю слипшиеся клочки шерсти вокруг ран, она мурлычет.

– Когда наконец настала моя очередь, Джессика подскочила ко мне и заявила, что таким уродам, как я, Чарли гладить не разрешается. Все дети засмеялись, а я заревел и убежал к столам с угощением. Потом Джессика отдала котенка маме и вместе с остальными пошла играть в надувной замок.

Очередная пара перчаток отправляется в помойное ведро. Я надеваю новые, достаю из аптечки шприц без иглы и пузырек с перекисью водорода.

– Я пытался объяснить маме, что произошло, но она, как обычно, встала на сторону сестры: Джессика просто дурачится – не надо принимать шутки так близко к сердцу. Ну а чтобы обиды поскорее забылись, я могу присмотреть за Чарли, пока они с папой ходят за тортом. Прежде чем я успел что-нибудь ответить, мама усадила котенка мне на колени и ушла в дом.

Я набираю перекись в шприц и вытаскиваю из коробки ворох чистых салфеток.

– Наверное, от столь обильного внимания Чарли перенервничала: когда я попытался ее погладить, она так глубоко вонзила когти мне в руку, что выступила кровь.

Каждый раз как я нажимаю на поршень, из-под кошачьего меха вырывается белая пена. Струйки розоватого раствора быстро впитываются в бумажные салфетки.

– Это окончательно вывело меня из себя. Даже глупому котенку Джессики я не понравился! Нужно проучить их обеих – показать, что больше я не позволю вытирать об себя ноги. И тут я заметил, сколько воздушных шаров привязано к деревянным столам.

Пока я натягиваю четвертую пару перчаток и достаю из аптечки моток бинта, мужчина снимает шляпу и начинает обмахиваться.

– Я затолкал Чарли в карман кофты и принялся обрывать разноцветные ленты, которые не давали шарам взлететь. Я набрал их штук двадцать – все огромные, серебристые, с надписью большими печатными буквами: «С днем рождения, принцесса». Притаился позади столов, переплел ленты, а снизу завязал скользящий узел – тем летом на рыбалке папа научил меня, как это делается. Чем сильнее тянешь, тем туже узел затягивается.

Мужчина переступает с ноги на ногу и оглядывается на дверь. Мы оба знаем, что он волен уйти – никто не станет его останавливать, – однако он не двигается с места.

Возможно, его удивляет, что совершенно незнакомый человек делится с ним самой сокровенной тайной из-за какой-то старой изувеченной кошки. Или он зачарован моим рассказом, словно зрелищем автокатастрофы, и не в силах побороть любопытства.

Как бы там ни было, он решает остаться до конца.

– Остальные дети играли в надувном замке на другом конце двора. Родителей в поле зрения не было. Упустить такую возможность я не мог. Я вытащил Чарли из кармана, продел ее тельце в петлю, потом забрался на стол и закричал: «Эй, Джессика, смотри, что у меня есть!»

Мужчина сглатывает комок в горле, вытягивает вперед дрожащие руки и подставляет мне кошку. Я начинаю оборачивать ее тело тонкими белыми лентами бинта.

Вскоре Джессика выскочила из зámка и уставилась на меня. Иногда я пытаюсь увидеть всю эту картину ее глазами: брат, над которым она вечно издевалась, стоит на столе и держит в руках ее нового котенка, привязанного к связке воздушных шаров.

– Она бросилась ко мне через весь двор с криком: «Чарли! Отпусти ее! Чарли!»

Мужчина издает звук, похожий на мурлыканье. Его губы плотно сжаты, в горле что-то клокочет.

– Я не собирался причинить Чарли вреда. Просто хотел как следует напугать Джессику, чтобы она оставила меня в покое. Пусть полюбуется пару секунд, как ее котенок парит в воздухе.

По крайней мере, так было задумано.

Я закрепляю концы бинта лейкопластырем и прислоняюсь к углу стола. Слова хлещут из меня потоком – угрызения совести, накопленные за пятнадцать лет, выплескиваются наружу, заполняя крошечное помещение.

– На секунду мне показалось, что ничего не выйдет, но Чарли весила не больше мягкой игрушки. Я разжал руки, и шары рванулись вверх, увлекая ее за собой. Она закричала и заби-лась, но узел только затягивался еще сильнее.

– О господи... – вырывается у моего слушателя.

– Дети высыпали из зámка и с криками указывали на небо. Джессика, поскользнувшись на горке конского навоза, шлепнулась на землю. В общем, настоящий хаос. Я обрадованно протянул руку, чтобы схватить Чарли, но мои пальцы поймали только воздух.

В кабинете становится совершенно тихо. Даже кошка, кажется, ловит каждое мое слово.

– Шары унесли Чарли слишком быстро. Слишком высоко. Поднялись над головой – не достать – и с каждой секундой взмывали все выше. Я подпрыгнул что было сил, но мои пальцы лишь слегка задели кончики крошечных лапок. Я не мог ничего сделать – только смотреть, как она улетает. Чарли проплыла мимо окна на третьем этаже, ударилась о спутниковую тарелку на крыше и исчезла за домом.

Я опускаю взгляд на забрызганный кровью пол и качаю головой.

– А знаете, что самое страшное? Когда я только-только ее отпустил, она посмотрела прямо на меня своими печальными голубыми глазами. До сих пор вижу их как наяву.

Мужчина закусывает губы. Он по-прежнему держит кошку на руках, словно ребенка, поглаживая по голове дрожащими пальцами.

– Когда родители выбежали из дома, чтобы узнать, в чем дело, я соскочил со стола и пулей вылетел со двора. В небо я глядеть не мог. По земле скользила тень от шаров. Я пробежал полквартала, а она неслась за мной вдоль тротуара, словно преследовала.

Мужчина напряженно, со свистом выдыхает, потом говорит:

– А дальше?

Я слегка ударяю пальцем по крышке, и аптечка со стуком захлопывается.

– Родители предложили купить Джессике другого котенка, но она отказалась. Меня целый год не выпускали из дома, а животных мы больше не заводили.

– А что Чарли?

– В этом-то самое странное. Тела никто так и не нашел. Ни местные приюты, ни соседи, ни сам я, хотя искал постоянно. Она словно сделалась призраком. В глубине души я всегда надеялся, что она выжила. Стала очередной бродячей кошкой и, может быть, когда-нибудь попадет сюда. Бредовая мысль, знаю.

– Вовсе нет. Так вы... По-вашему, это она?

Он протягивает мне кошку, словно завершая некий древний обряд.

Я беру искалеченное животное из его окровавленных рук.

– Спасибо, что выслушали, – отвечаю я. – Нет, Чарли давно умерла.

Мужчина морщит лоб, потом опускает руку в карман пальто и достает оттуда визитную карточку.

– Вот, – говорит он, кидая карточку на стол. – Сообщите потом, что с ней, хорошо?

Он бросает на кошку последний долгий взгляд и вздыхает.

– Господи, ну и мир! Ну и мир... – говорит он и поворачивается к двери.

Его голос эхом отдается от стен коридора. Входная дверь со стуком захлопывается. Снова раздаются истошные завывания.

Я прижимаю к себе кошку, чувствую под рукой тепло ее тела.

– Чарли... – бормочу я, поднося к уху телефонную трубку и набирая номер указательным пальцем свободной руки. – Неужели это ты?

На другом конце провода снимают трубку.

– Алло, док, – говорю я. – Это Роджер. Извините за поздний звонок, но на этот раз я по личному делу. Речь о моей кошке.

Чарли начинает мурлыкать.

Гейл Тауэлл Бумажка⁶

Руки у него были большие. Не то, что у Кайла. У Кайла – маленькие, почти как мои, только пальцы подлиннее. А у него наоборот: у него – большие. С необычным рисунком на коже: не просто тоненькая сеточка, заметная, если хорошенько присмотреться, а намного отчетливее.

И он был волосат. Чертовски волосат. Слезая с меня, он оставлял на моем вспотевшем животе черные завитки, упавшие с груди. Вот у Кайла всего-то ничего: три волоска вокруг правого соска и два вокруг левого.

А его запах: пот вперемешку с дешевым одеколоном.

Он никогда не говорил: «Я тебя люблю». Вместо этого: «Ты же знаешь, что я тебя люблю». Как же охренительно, должно быть, мне промыли мозги: ведь я в это верила.

Да, я, Джейн, умница-разумница, была молода и глупа. Наивна. И благодаря этой своей разумности двадцатилетняя Джейн выскочила замуж за человека постарше. Он завязывал ей руки над головой, туго сдавив запястья, до синяков. Он имел ее насухую, до крови.

В этом и заключалось счастье.

Она делала ему минет не потому, что хочет, а потому что ее крепко держали за волосы, насаживая на член.

В этом и заключался брак.

За Кайла я не выйду. Даже если попросит. Хотя до сих пор не попросил. Понятно ведь, что брак – всего лишь бумажка, на которой ставишь подпись.

Обнаженный Кайл завис надо мной в кровати.

– Ну почему так? Везде, где мне нравится тебя трогать, трогать нельзя – ты тут же съеживаешься. Соски не целуй, – передразнил он, – шею не целуй. А к промежности, боже упаси, даже не приближайся.

– Таковы правила, – сказала я. – И ты в курсе.

– Но ты лежишь передо мной. – Он целует меня в лоб. – В нашей кровати. – Целует в шею. – И на тебе ничего нет, только кожа. – Целует в губы. – Как тут можно сдержаться?

Он нацеливается на сосок. Но у меня хорошая реакция. Я закрываю грудь руками. Он улыбается мне сквозь пряди свисающих на лицо светлых волос, которые отращивает. Ради меня. Это я сказала, что ему пойдет.

Потянувшись,правляю их за уши и выдавливаю в ответ улыбку.

– Мне завтра рано вставать.

Он издает знакомый усталый вздох, подразумевая «Что, опять?», бросает взгляд на дверь спальни и вылезает из кровати.

– Ты куда?

– Я попозже вернусь.

– Злишься? Не надо. Пожалуйста, не злись.

Он наклоняется и натягивает одеяла мне до шеи. Худыми пальцами пробегает по моим спутанным черным волосам.

– Эй, а рыбок ты сегодня кормила?

Я качаю головой.

⁶ Paper. Gayle Towell, copyright © 2014. Перевод Евгении Абаевой.

* * *

Второй день на новой работе. Похоже, в женском туалете есть некий негласный ритуал. Все отматывают большой кусок бумажного полотенца для следующего человека. Этим утром свисающий край рулона ждет и меня, ждет, пока я помою руки. Отрываю. Кладу руку на рычаг, чтобы отмотать новый кусок, но останавливаюсь.

Я уже целый день на тренинге новых сотрудников, и все это продлится еще два дня. В компании одновременно наняли кучу новичков и составили для нас плотное расписание занятий, загадочно сократив названия. Пока я даже не уверена, что предусматривает моя должность.

Я называюсь актуарный аналитик-исследователь. Не взаправдашний актуарий, потому что становиться им не собиралась и, следовательно, никаких экзаменов по страховой статистике не сдавала. Просто тот факт, что я намеревалась писать диссертацию, отошел на второй план, и на последнем курсе я прослушала три семестра по статистике и курс предпринимательства. Вот вам и аспирантура.

В конференц-зале лампы тускнеют, становятся ярче, тускнеют, становятся ярче – затухающие колебания в поисках некоего идеального баланса. Наш инструктор крутит регулятор, пытаюсь добиться нужного освещения: на стене виднеется проекция презентации. В бледном свете экрана все лихорадочно делают пометки.

Первая презентация – обзор Дополнительного Обучения Новых Сотрудников (ДОНС), что, видимо, отличается от вчерашней Ориентации Новых Сотрудников (ОНС). После этого нас отправляют в другую комнату, где на трех складных столах расставлены фотографии формата А4. На них – выдающиеся произведения искусства, изображения известных мест, бытовые вещи, снятые крупным планом. Нас просят спокойно походить и выбрать ту картинку, которая, на наш взгляд, представляет нас в новой рабочей обстановке.

Немного позже объясняю своей соседке по парте, что, на мой взгляд, крупный план щеки, пронзенной акупунктурной иглой, символизирует уязвимость нового сотрудника перед лицом потенциальной неприятности, в надежде на то, что, в конце концов, это пойдет на пользу.

Со мной рядом сидит Карин (не Карен, а именно Карин, она специально подчеркивает на бейдже букву «и» волнистой линией снизу). Она выбрала картинку с детьми, которые улыбаются и держатся за руки, ведь новая работа подразумевает обучение и командный подход. Карин считает, что мы приятельницы, так как кроме нас в комнате женщин больше нет. Но если честно, наличие первичных половых признаков и еще, пожалуй, груди – единственное, что нас объединяет.

В перерыве иду в туалетную кабинку, прячусь там, пытаюсь в одиночку убить время. Вытаскиваю из кармана ручку. На огромном рулоне туалетной бумаги, торчащем слева от меня на стене, сбоку рисую круг. А внутри – улыбающееся лицо. Потом добавляю тело – палка-палка-огуречик, и туфли на каблуках, которые достигают как раз конца рулона. Платье-треугольник, длинные волосы и бант на голове завершают ансамбль.

Я мою руки, отрываю кусок бумажного полотенца, а потом разматываю еще, оставляя примерно двенадцать дюймов для следующего посетителя.

* * *

Кайл рассказывает свой сон. Станный сон. Он пытался спасти меня, но не мог найти. Я была в каком-то невидимом портале. Отвечаю, что он слишком много играет в видеоигры. А он говорит, что нет, серьезно. Но, по его словам, странно было то, что он знал, если бы смог получить доступ к четвертому измерению, то добрался бы до меня. Один из таких снов, когда

что-то известно, хотя никто об этом не рассказывал и это не видно. Так вот, во сне Кайл стоял на песке. И там на равном расстоянии друг от друга лежали пять гладких камней, образуя круг. Кайл рисовал на песке какой-то палкой. Рисовал линии, соединяющие каждый камень со всеми другими.

– Полный граф, – говорю я ему.

– Что?

– Когда соединяешь каждую вершину со всеми другими – это полный граф.

– Понятно, – реагирует он, – в любом случае, именно так я и попал в четвертое измерение.

* * *

А на работе моя схематично нарисованная на туалетной бумаге тетенька лишилась ног. Остался лишь треугольник платья, руки и голова. Еще бант в волосах и улыбка. Я снова достаю из кармана ручку и пририсовываю у рта овал. Пишу там: «Нет, только не это! Мне кажется, что меня использовали!». Но у тетеньки такая тупая улыбка, что добавляю: «Ха-ха!»

Мы сидим за большим столом в конференц-зале, и каждый раз, когда кто-то смотрит в мою сторону, я думаю лишь о том, что свитер мне слишком велик и что утром я не вымыла голову. Два часа рассматриваем программы по базам данных, и тут возникает ощущение, что сердце бьется быстрее, чем нужно. Вдруг, откуда ни возьмись, накатывает внутренняя паника, чувство, что любой из присутствующих может внезапно напасть и нужно быть готовой бежать – достаточно заскрипеть моему креслу, как я уже на грани.

В обед, после того как нам, наконец, отвели кабинеты, я скрываюсь в своем. Залезаю под стол. Тут хорошо. Безопасно. Жевать сэндвич в своем маленьком мирке, пока все остальные тусуются в буфете, пытаюсь перезнакомиться. Стандартное: «Так, где вы учились?», «А откуда родом?» и тому подобное. Хотя сегодня они наверняка уже обсуждают родственников, что и кому есть нельзя и любимые команды.

Меня, по правде, раздражает под столом лишь одно: я не могу нормально выпрямить спину. Выбор есть: наклониться вперед, сгорбившись под углом сорок пять градусов, или отклониться назад, облокотившись на стену. Но текстурная стена – с краской там слегка переборщили – цепляет сзади мою рубашку. Хотя это того стоит. Это место того стоит.

Я доедаю сэндвич с арахисовым маслом и фруктовым джемом, как вдруг раздается стук в дверь. Три уверенных удара. Может, и Карин, но, похоже, стучит парень. Я задерживаю дыхание. Дверь не заперта, можно войти и увидеть меня в таком положении. Перед тем как снова выдохнуть, считаю в уме до шестидесяти. Кто бы это ни был, он, должно быть, ушел, но снова нахлынуло чувство, которое я испытала в конференц-зале. Ненавижу его. У меня даже руки трясутся.

Остается еще двадцать минут обеденного перерыва, и я достаю из кармана ручку. На внутренней поверхности столешницы обозначаю точками пять камней Кайла. Соединяю каждую точку со всеми другими. И получаю результат: пентаграмму, вписанную в пятиугольник.

Все зачеркиваю.

Рисую три точки и соединяю их. Это просто. Треугольник. В топологии зовется 2-симплекс, вроде основного прототипа двумерного пространства.

Рисую четыре точки, соединяю каждую со всеми остальными. Здесь разглядеть уже сложнее, но это тетраэдр, сплюснутый в двумерное пространство. 3-симплекс. Основной прототип трехмерного пространства. Представь: берем четыре треугольника и склеиваем ребрами вместе, конструируя замкнутую фигуру. Делаем фигуру плоской, и получается картинка, которую я только что нарисовала.

Пять точек, соединенных попарно таким же образом, образуют 4-симплекс. Основной прототип четырехмерного пространства. Подсознательное Кайла просто гениально. Представь: берем пять тетраэдров и склеиваем все их грани вместе. Прodelать такое в трехмерном пространстве невозможно, но если бы вышло, то получился бы 4-симплекс. Проецируем этот 4-симплекс в двумерное пространство, и вписанная пентаграмма готова.

* * *

Я захожу в дверь на запах чеснока. Кайл на кухне сливает из макарон воду. Он приготовил ужин. Вкусный. Хотя готовить ненавидит. Если я ничего не сварю, питается сухими завтраками.

На холодильнике выстроился ряд коробок, в каждой по горстке просроченных хлопьев. Знаете, как бывает: и доедать остатки не хочется, и выбрасывать еду нехорошо.

– Ну, – говорит он, – как прошел третий день?

– Ты тут такую бурную деятельность развернул, – замечая я.

– Давай, сядь, ну сядь. Еда почти готова, потом все мне расскажешь.

В центре обеденного стола – стеклянная ваза с красными розами. Запах как в цветочном магазине – букеты, упаковка, – и я вспоминаю, как работала в цветочном магазинчике своей бабушки, когда училась в школе. Первая работа. Еще до колледжа. Касаюсь нежных лепестков; один срываю. Сажу, потирая тонкий как бумага лепесток между большим и указательным пальцами, жду Кайла.

Он заходит с тарелками в руках, ставит одну напротив меня, а другую напротив соседнего стула. От еды поднимается пар. Кайл приглушает свет, улыбается мне. И снова волосы спадают на лицо Кайла. Тянусь и убираю выбившиеся пряди ему за уши. Он ждет, что я начну разговор. А я беру вилку, ковыряю гору макарон. Он секунду на меня смотрит, потом делает то же самое.

Я мимоходом сообщаю ему, что в своем сне он и вправду рисовал на песке четырехмерную фигуру. Не закончив есть, встаю из-за стола, снова включаю свет.

Кайл с отвисшей челюстью наблюдает за мной, наморщив лоб.

Достаю из стола в гостиной лист бумаги и вытаскиваю из кармана ручку. Сажусь обратно на свое место, отодвигаю тарелку, щелкаю ручкой и поднимаю на Кайла глаза.

Поджав губы, он ждет.

Провожу урок топологии. Показываю, как разглядеть сплюснутые тетраэдры. Объясняю, что на самом деле пространство вокруг одного – это внутренняя часть других, и именно там пролегает четвертое измерение.

Он говорит, что знает. Во сне так все и было. И добавляет, что не рассказал мне все до конца.

* * *

Четвертый, и последний, день обучения подходит к концу, и от моей девушки на туалетной бумаге осталась лишь голова. Еще сверху бант и улыбка. Она висит вверх тормашками, и я переворачиваю ее как надо. Сегодня у нее новая реплика: *«Видите, дамы? Вот что бывает, когда не умеете ставить границы!»* Вытерев руки, я снова отматываю бумажное полотенце. В этот раз сворачиваю его конец уголком, как делают с туалетной бумагой в гостиницах.

Мой путь к выходу лежит мимо одной из огромных переговорных. Дверь открыта. Из огромного окна во всю стену открывается вид на город. В комнате никого нет, и я захожу – хочу оглядеться. Мы на одиннадцатом этаже, и видно все по ту сторону реки. Видно, как шоссе ведет к съезду с трассы, к моему дому.

Я вздрагиваю, услышав позади себя:

– В этой сфере трудно найти по-настоящему компетентных женщин.

Оборачиваюсь и вижу нашего инструктора. На расстоянии вытянутой руки. Должно быть, он принял меня за кого-то другого. По местным стандартам я, вероятно, наименее компетентный новый сотрудник.

– Простите. Не хотел вас пугать. – Он жестом показывает на окно. – Неплохой вид, правда?

Киваю и обхожу его, замечая:

– Отсюда видно мой дом.

– Да, отсюда многое видно.

Должно быть, он подходит еще ближе: на шее ощущается жар его влажного дыхания.

Теперь я боюсь повернуться. Может, разыгралось воображение. Может, он просто пытается заглянуть мне через плечо, увидеть, куда же я показывала. Не обращать внимания – выдумала или не выдумала, – и все пройдет... пройдет же?

Я не могу пошевелиться.

При каждом его выдохе чувствую горячее дыхание.

Пялюсь на реку. Смотрю, как на светофоре проезжают машины.

Дыхание обжигает мне шею.

Пошевелиться не могу.

– Думаю, завтра мы с вами увидимся, – говорит он.

Я умудряюсь кивнуть в ответ и понимаю, что никто больше не дышит мне в шею. Отсчитываю минуту и только потом снова поворачиваюсь.

* * *

Почти полночь, мы не можем заснуть. Кайл, свернувшись в кровати калачиком, демонстрирует мне спину, пряча свою обиду и эрекцию. Мы уже две недели не занимались любовью. Не трахались. Не совокуплялись. Без разницы, как называть.

Я сбрасываю одеяло, сажусь на край кровати. Кайл включает свет и говорит, что не понимает.

– Что он с тобой сделал, Джейн? Что сделал с тобой этот козел?

Так странно, когда Кайл называет меня по имени. Не знаю почему. Козел, о котором идет речь, – мой бывший – всегда говорил «милая». Раньше я считала такое обращение изюминкой, а теперь склоняюсь, что не была самой собой. Я была «милая».

– Извини. Все дело в работе. Я устала.

– Не надо врать, – реагирует он.

Я вздрагиваю при этих словах – подсознательная реакция – и выдаю себя с головой.

– Ты думаешь, я способен сделать тебе больно? – С таким выражением лица, что я снова вздрагиваю.

– Я серьезно. – Слышу его слова. – Поговори со мной.

– Ненавижу свою работу, – реагирую я.

– Но дело не в ней.

– Честно. Ненавижу ее. Жалею, что диссертацию так и не написала.

– Я тебе не рассказал, чем закончился вчерашний сон, – вздыхает Кайл.

– Рассказал. Ты нашел четвертое измерение, – напоминаю я. – Знаешь, а я ведь собиралась разрабатывать теорию размерности. А теперь, черт возьми, чтобы заработать на жизнь, забиваю в базы данных всякую фигню.

– Это еще не все, – перебивает он.

Я смотрю Кайлу в глаза.

– Прости. Прости, у тебя была тяжелая неделя, новая работа.

– За что извиняться? Твоей вины здесь нет.

– Знаю.

– Такое ощущение, что моя карьера уже закончилась. А мне ведь еще нет и тридцати. Не понимаю, что творится в моей жизни.

– Никто не понимает. Никто.

– Тогда в чем, в конце концов, смысл?

– А он так нужен?

– Ладно, расскажи, чем все закончилось в твоем сне.

Я устраиваюсь на кровати, поджав ноги, лицом к Кайлу. Он теперь сидит прямо, откинувшись на переднюю спинку кровати.

– Как я уже говорил, мне снилась ты. Но чтобы до тебя добраться, нужно было отыскать четвертое измерение.

Кайл смотрит на меня в упор.

Я стягиваю через голову футболку и швыряю ее в сторону.

– Дальше.

– Я нарисовал на песке эти линии, а потом проскользнул в какое-то другое место. И там была ты. Но... ты была лысая. Совсем без волос. И без одежды.

– Почему ты не уходишь? – задаю я вопрос. – Почему ты меня терпишь?

– Мне хочется. И знаешь, не думаю, что в жизни хотел чего-нибудь больше. А ты почему со мной, Джейн? Почему ты меня терпишь?

Я встаю на колени и стягиваю белье.

– Это что еще такое? – недоумевает Кайл.

Я и правда не понимаю, почему или как это происходит, но в груди снова появляется смутное, тревожное чувство. Будто сейчас разрываюсь. Но я сдерживаюсь. Руки холодные, онемевшие. Губы трясутся, голос дрожит.

– Расскажи мне свой сон до конца.

Кайл хватается одеяла и накидывает их на мои плечи. Секунду поедает взглядом грудь, потом укутывает меня, скрывая ее от взора.

– У тебя в руке был нож. С огромным острым лезвием. Думаю, ты им отрезала волосы: их ты держала в другой руке. Ты вложила волосы мне в ладонь. Сказала: «Подержи пока» и сомкнула мои пальцы. Потом отошла, взобралась на скалу. Встала на плоскую вершину, развернулась и посмотрела на живот, потерла его пальцами. А нож держала в другой руке. Ты занесла лезвие, и я спросил, что ты делаешь. А ты ответила, что этому нужно положить конец и другого способа нет.

Я сбросила одеяло с плеч.

– Чему нужно положить конец?

Кайл уже не выглядит сонно и раздраженно. Он вытянулся в струну и больше не опирается на спинку кровати, а так пристально рассматривает мое лицо, что я могу бросить на него лишь мимолетный взгляд; на большее не хватает сил. Эти его зеленые глаза... это уже слишком.

– Я не смог вовремя до тебя добраться.

Протягивает руку и чертит линию от середины моего живота вниз.

– Ты вонзила нож в живот, разрешила себя пополам, и твои внутренности – твои кишки – взяли и вывалились на скалу.

– Я бы так никогда не поступила.

– Во сне так и было.

Мои глаза горят, и скоро веки настолько отяжелеют от слез, что не смогут их сдержать. Я втягиваю воздух, задерживаю дыхание и считаю до десяти. Медленно выдыхаю, но каждый выдох дрожит больше, чем предыдущий.

– Я отвернулся, – продолжал Кайл, – но ты приказала смотреть. Ты всегда хотела узнать, что же внутри.

Кайл рукой за подбородок разворачивает к себе мое лицо, избегать его взгляда уже не получается. И глаза. Их уголки тоже покраснели.

– Потом ты выронила нож и упала на землю. Словно скомканная бумажка.

Тони Либхард Брачный зов⁷

Белки готовятся к зиме месяцами; собирают орехи и распикивают по тайникам в надежде, что припасов хватит до весны. К несчастью, порой они забывают, где запрятан ценный провиант. Изредка даже самые смысленные и трудолюбивые особи умирают от голода.

Все их усилия идут прахом.

Я сижу на экзамене по поведению животных и, раз за разом перечитывая последний вопрос, всей душой понимаю, что чувствуют несчастные грызуны перед смертью.

Две недели я штудировал конспекты, зубрил карточки и ходил на семинары. И все же один-единственный вопрос поставил меня в тупик. Вопрос, который оценивается в десять пунктов из ста. Десять процентов от общего балла за этот клятый экзамен. Пресловутая разница между «А» и «В», которая вполне может испортить мне средний балл и закрыть дорогу в ветеринарную академию.

«Опишите брачное поведение синезаберников».

На остальные вопросы я уже ответил. А теперь сижу и пялюсь на часы, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из ихтиологии. За полсеместра мы прошли тонны материала, но доктору Пенну приспичило выбрать тему, которой даже нет в презентациях. Смутно помню, как на одном занятии его занесло в постороннюю болтовню о синезаберниках.

По-моему, зря я не стал конспектировать эти разглагольствования. Когда экзаменатор называет себя «аквамен», странно не понимать, что как минимум один вопрос будет о подводном мире.

Правда, конспект меня бы тоже не спас. Вряд ли я прочел бы его накануне: времени едва хватало на основной материал, не говоря уж о бредовых измышлениях несостоявшегося ветеринара.

И зачем только я нашел этот чертов телефон?

* * *

Вчерашний день полностью расписан в моем ежедневнике. С восьми до десяти утра матализ; с десяти до двенадцати курсовая; с двенадцати до тринадцати обед; с тринадцати до пятнадцати экология позвоночных животных; с пятнадцати до полуночи подготовка к роковому испытанию. Вечером перерыв на час – как президент Клуба будущих ветеринаров я выгуливаю собак из приюта «Общества защиты животных».

Почему-то занятие по экологии позвоночных закончилось раньше, и в моем графике появилось «окошко». Я побрел домой вздремнуть, засыпая на ходу. У факультета общественных наук откуда-то из живой изгороди послышалась музыка – искаженная, но узнаваемая запись песни «Кареглазка» Вана Моррисона.

Пытаясь понять, откуда идет звук, я заглянул под сосны. Вскоре музыка смолкла, но тут среди шишек блеснул розовый металлический корпус мобильного. Я взял его в руки, и сенсорный экран включился.

На заставке, в окружении анимированных сердечек, красовалась надпись «телефон Лекси».

У Лекси было восемь пропущенных звонков и двадцать новых сообщений.

⁷ Mating Calls. Tony Liebhards, copyright © 2014. Перевод Ларисы Плостак.

Пока я пытался сообразить, как разблокировать экран, телефон завибрировал. От неожиданности я чуть не выпустил его из рук.

Снова «Кареглазка». И сообщение «Входящий звонок... Ванесса».

Я хотел отклонить вызов, но ошибся кнопкой и случайно ответил.

– О боже, – сказала незнакомая девушка. – Ну наконец-то! Что, так сильно вчера перебрала? Лекси?

– Это не Лекси, – сказал я.

– Прошу прощения. Я, наверное, ошиблась номером.

– Нет. Это телефон Лекси.

– Тогда дай ей трубку.

– К сожалению, не могу.

– Почему?

Я стал подробно объяснять, как шел домой после занятий, и вдруг услышал музыку, и так далее.

– Надо же, – сказала девушка.

– Если увидишь Лекси, попроси ее позвонить на свой номер, ладно? Тогда мы договоримся о встрече, и я отдам ей телефон.

– Конечно. – В трубке послышался щелчок зажигалки, потом долгий выдох. – А ты молодец. Возишься с чужим мобильником.

Прижав аппарат к уху, я зашагал домой.

– Любой на моем месте поступил бы так же.

– Да брось. – Ванесса снова шумно выдохнула. – Люди – такие сволочи.

– Не все.

– А знаешь, и голос у тебя секси.

В природе животные часто привлекают партнеров звуками. Птицы и насекомые сочиняют неповторимые мелодии, чтобы привлечь противоположный пол. Дельфины соблазняют друг друга голосами за много миль. Даже уродливая птица может найти себе пару, если красиво поет.

– Ты когда-нибудь летом слушала, как стрекочут сверчки?

Ванесса сделала длинную затяжку и рассмеялась.

– Да, а что?

– Тебе понравилось?

– Ну... в общем, да. Ничего так.

– А сверчка когда-нибудь видела?

В конце разговора я снова попросил ее связаться с Лекси.

* * *

Сегодня, после экзамена по поведению животных, я захожу в биологическую лабораторию и открываю конспект. Просматриваю по диагонали – ни слова о синежаберниках. Доктор Пенн выбрал самую пустяковую тему из всех возможных и оценил ее выше остальных.

Пролистав конспект еще пару раз, я бросаю эту бесполезную затею и переключаюсь на курсовую о роли запаха в спаривании. Теоретически любое животное способно привлечь партнера, даже не показываясь ему на глаза – при помощи специального запаха. Его создают натуральные ароматические вещества – феромоны.

Ученые давно задаются вопросом, существует ли аналогичное явление у людей. Хотя данная теория пока не имеет надежного фактического подтверждения, исследования показали, что стриптизерши в период овуляции зарабатывают больше других. Те, кто принимает таблетки, блокирующие овуляцию, получают значительно меньше. И неважно, какие они –

толстые или тощие, страшненькие или красотки; от внешности ничего не зависит. Выходит, тут задействована невидимая химия? А если так, быть может, в мире, где красота ценится выше всего, обоняние дает внешне заурядным людям шанс на личную жизнь?

Вчера вечером я сидел у себя в гостиной над учебником по поведению животных. На столе лежали конспекты; на феромоны и намек было. Только из окна доносился запах дыма от барбекю.

Солнечные лучи пробивались сквозь жалюзи, как волны, несущие на берег песчаную гальку. Вчера была чудесная погода, а я корпел над учебниками взаперти, пока вокруг все гуляли, пили и развлекались. Наслаждались свежим воздухом. Друг другом. Жизнью.

Я бросил взгляд на конспекты и посмотрел в окно. После каждого зачета или экзамена я обещаю себе, что начну выходить в люди. Увы, стоит закончиться одному экзамену, начинается подготовка к следующему.

Я делаю перерыв в работе и открываю ежедневник. С двенадцати до часа: сдать на отлично экзамен; с часа до двух курсовая; с двух до трех обед; с трех до четырех чтение электронной почты в Клубе будущих ветеринаров; с четырех до десяти подготовка к матанализу на понедельник.

Впрочем, вся эта зубрежка – пустая трата времени. Заниматься можно до бесконечности, и все равно тебе прилетит «крученный мяч», вроде тех синежаберников. Иногда я и сам не могу понять, ради чего так убиваюсь. И зачем меня вообще несет в эту ветеринарную академию? Это же дохлый номер. Ну почти дохлый.

* * *

Летом после второго курса я проходил практику в одном из лучших зоопарков страны. На моем попечении были все животные подряд, от летучих мышей до жирафов. Мне не заплатили ни цента, но это дело десятое; главное, я упивался каждой проведенной там секундой.

Больше всего мне нравилось ухаживать за трехлапой тигрицей по кличке Пегги. Она тогда как раз впервые родила двух детенышей – Фаззи и Бастера.

Тигрята беспрерывно носились друг за другом по всему загону. Иногда за ними ковыляла Пегги, опираясь на единственную переднюю лапу, как на костыль. Обычно детишки не упускали случая налететь с двух сторон и повалить маму на землю.

Спустя две недели они уже исполняли этот прием как по нотам: один делал подсечку у передней лапы, а второй прыгал маме на спину.

Хулиганы повторяли свой трюк до бесконечности, пока не падали от усталости. Спать они заваливались прямо на маму, прикрывая ее культю упитанными тушками. С такого ракурса Пегги ничем не отличалась от обычной тигрицы.

Пока тигрята спали, Пегги вылизывала их оранжево-черные шубки и настороженно озиралась. Ее взгляд недвусмысленно говорил: в случае чего она будет защищать потомство любой ценой. Даже если придется отдать остальные лапы. Или жизнь. Я всегда с замиранием сердца наблюдал это чудо безусловной любви.

Чтобы снова и снова становиться его свидетелем, я и захотел стать ветеринаром.

И еще я тайне надеялся урвать себе частичку этой любви.

* * *

Большая черная стрелка часов в лекционном зале сегодня трудилась без устали. Тик-так. Тик-так. Сердце колотилось как ненормальное. Я полсотни раз набирал заголовок «Брачное поведение синежаберников» и снова стирал.

Вот до чего доводит хорошее воспитание. Весь вчерашний вечер вместо подготовки к экзамену я проработал личным секретарем.

Пока я пытался читать конспекты по поведению животных, мобильник Лекси не умолкал. Каждые пару минут новая мелодия. Не телефон, а портативный музыкальный автомат.

– «Одинокая»...

Входящий... Адриана.

«Девочки хотят повеселиться»...

Входящий... Мадлен.

«Я поцеловала девушку»...

Входящий... Эскаледа.

И каждая допытывалась:

«Лекси можно? Откуда у тебя ее телефон?»

А одна даже спросила: «Так как мне ее найти?»

Самое ужасное, что я был вынужден отвечать, ведь могла позвонить сама Лекси. И как заниматься в таких условиях? Невозможно учить материалы к экзамену, когда каждые две секунды разрывается телефон. Если бы я знал, сколько хлопот принесет мне этот мобильник, оставил бы его ржаветь в кустах.

Я уже хотел отключить телефон, пока не закончу готовиться, но потом передумал. Если бы я потерял мобильник, то не хотел бы, чтобы нашедший так поступал. Иногда приходится идти на жертвы ради всеобщего блага.

Летучая мышь – вампир – отрыгнет добытую кровь в рот больному собрату, который не в силах охотиться.

Беременная тигрица, попавшая в капкан, отгрызет себе лапу, чтобы спасти будущее потомство.

Унылый ботаник будет нажимать кнопку «ответить», разбазаривая драгоценные минуты, чтобы избалованная девица могла и дальше строчить свои эсэмэски. Все вопреки теории Дарвина.

Телефон Лекси снова завибрировал и заиграл «Невероятно». На экране высветилось: «Входящий... Мэдисон».

Я со вздохом снял трубку.

– Лекси? – спросила Мэдисон.

– Простите, – сказал я, – но Лекси не может подойти к телефону.

– Почему?

– Потому что она лежит связанная у меня в подвале.

Щелчок – и тишина.

* * *

После курсовой я иду по студгородку, уткнувшись в конспект по поведению животных. Нигде ни слова о синежаберниках. Группа ребят раздает какие-то рекламные бумажки. Я погружаюсь в раздел о половом диморфизме, но тут, словно колибри, почуявшая нектар, ко мне устремляется девушка с колечком в носу.

– Привет! Мы случайно не виделись в «Обществе защиты животных»?

– Ну... может быть.

– Да точно! – Она окидывает меня взглядом. – Ты все время собак выгуливаешь.

– И что?

– А то, что это круто.

Я не отрываюсь от конспекта.

– Это нормально.

Она отбрасывает непослушные светлые пряди со лба. Глаза у нее голубые, как яйца малиновки. Цвет глаз и волос – мечта любой девушки, и неважно, что оба признака рецессивные. Она протягивает мне рекламный проспект.

– У тебя уже наверняка есть планы на выходные, но если ты свободен...

– В выходные я просто нечеловечески занят, – вежливо отказываюсь я.

– Ну, если вдруг найдется время... – Она засовывает листик в мой конспект.

Я со вздохом читаю заголовок.

– «Друзья животных»? – Конечно, я о них слышал. Общество, которое борется за благополучие всех живых существ. – Я президент Клуба будущих ветеринаров. Почему я тебя не знаю?

Она продолжает совать приглашения в руки прохожим.

– Ну, мы как бы новенькие.

В проспекте рекламируется благотворительная дегустация в «Обществе защиты животных». Все собранные средства пойдут приюту, на закупку колпачков для когтей.

Я захлопываю конспект.

– Колпачки для когтей?

– Да, для кошек, чтобы мебель не царапали. Гуманная альтернатива удалению когтей.

– Я не знал, что удалять когти негуманно.

– Ты же президент Клуба будущих ветеринаров! Ты как никто должен знать. Это все равно что отрезать тебе кончики пальцев.

– Наверное, я просто никогда не задумывался.

– Я сама не задумывалась, пока не пошла ассистенткой в ветклинику.

Она берет новую пачку проспектов со столика поблизости.

– Если будешь вечером гулять с собаками, загляни к нам.

– Я бы с радостью, да мне нужно готовиться к матанализу.

Девушка касается пальцами губ.

– Сегодня же пятница.

– У матанализа нет выходных.

– Собственно, как и у защиты животных. – Она продолжает раздавать проспекты.

* * *

Когда с неба доносится райское щебетание, чаще всего это самцы птиц предупреждают конкурентов, чтобы держались подальше. Это моя девушка, чирик-чирик! Для меня всегда было загадкой, как могут такие дивные трели содержать угрозу. Но, кажется, проведя весь вчерашний вечер под аккомпанемент разнообразных мелодий, я начал постигать тайны природы.

Иногда зов лучше пропускать мимо ушей.

Иногда зов не предполагает ответа.

Представьте себе свежее весеннее утро. На траве поблескивают капли росы. Журчат ручьи. По лесу идет довольный жизнью дикий индюк, болтая кожаной складкой на шее. Неожиданно раздается призывный крик самки. Индюк бросается к ней, ответным курлыканьем сообщая, что готов к спариванию. Самка продолжает ворковать, самец движется навстречу, не в силах устоять перед соблазном. Повинуясь зову, он выходит на поляну и...

Ба-бах!

Его подстреливает охотник в камуфляже с манком в руке.

Природа – прекрасный учитель.

Телефон Лекси чирикнул. Очередное сообщение.

Я распахнул окно гостиной. Солнечный свет ворвался в комнату; на розовом металлическом корпусе мобильного заиграли лучи.

Ни одна душа не знает, что я нашел ее телефон. Если я выброшу его обратно, никто не заметит. Пусть с ним возится следующий наивный идиот.

К чертям альтруизм.

Я подскочил к столу и схватил телефон.

Не моя вина, что растяпа Лекси его посеяла. Кого волнует, найдет она свой дурацкий гаджет или нет? Пусть ее выручает другой кавалер.

Это естественный отбор, детка.

Я занес руку над головой и примерился швырнуть проклятую находку в окно, как вдруг... она завибрировала.

«Вечеринка в США» Майли Сайрус.

Входящий... Дестини.

Я сжимал в руке вибрирующий телефон, пялясь на экран. В глаза било солнце. Я сделал глубокий вдох, нажал «ответить» и пробормотал:

– Да?

– Кто это? – спросил стервозный девичий голос.

– Не знаю. А ты кто?

– Ты говоришь по моему телефону.

– Лекси?

– О господи, он знает мое имя!

На заднем плане раздался второй голос.

– Может, он тебя преследует.

– Ка-ашмар, – хором сказали девушки.

Я скрипнул зубами и стиснул телефон, пытаясь его раздавить. Дважды сделал вид, что швыряю его в окно.

– Откуда у тебя мой мобильник? – спросила Лекси. – Ты что, его спер?

– Если коротко... – Я потер лоб и снова глубоко вдохнул. – Я нашел его по дороге домой после занятий. Я хочу вернуть тебе телефон. Можем где-нибудь встретиться? У меня и без этого полно дел.

– Где ты его нашел?

– В кустах у здания факультета общественных наук.

– Боже! – воскликнула Лекси. – Наверное, я его уронила, когда возвращалась с пивной вечеринки и отскочила в кусты пописать.

– Понятно.

– Ладно, давай определимся, – сказала вторая девушка. – Ты нашел ее мобильник и хочешь его вернуть.

– Точно.

– О-о, это так мило, – хором проворковали подруги.

– Куча парней и не почесалась бы ради незнакомой девушки, – сказала Лекси.

– Ага, – добавила ее подруга. – Парни почти все придурки.

– Неважно. – Я мерил шагами комнату. – Можем встретиться? Я хочу отдать телефон.

– Я сейчас иду в солярий, – сказала Лекси. – Давай потом.

Я заглянул в ежедневник.

– Не позднее, чем через час. Мне еще приютских собак выгуливать.

– О-о, – разом умилились девушки. – Собачки.

Правда, у них получилось почти «кабачки».

Я отодвинул телефон от уха.

– Они такие лапочки, – пролепетала вторая девушка.

– Да, они лапочки, ути-пути и все такое, – сказал я. – Когда встречаемся?

– Я в солярий где-то на полчаса, – сказала Лекси. – А потом у меня тренировка. Давай через полчаса в спортзале.

– У меня жесткий график.

– Ну если я вдруг задержусь, на проходной работает мой приятель. Оставь телефон ему.

– Хорошо, подойдет.

– Тогда до скорого. И спасибо, что подобрал мобильник.

– Да ладно. – Я бросил взгляд на гору конспектов. – Ерунда.

Прежде чем попрощаться, Лекси сказала:

– А, еще одно.

– Да? – вздохнул я.

– Что ты там про меня насочинял? Типа я связанная у тебя в подвале?

* * *

В моем ежедневнике нет строчки «перечитать конспект по поведению животных и выяснить, проходили мы вообще синежаберников или нет». И тем не менее именно этим я занимаюсь весь вечер, вместо того чтобы учить матанализ.

Не сомневаюсь, что на экзамене доктор Пенн смаковал каждую минуту нашего замешательства – одна злорадная ухмылка чего стоит. «Аквамен» в выцветшем голубом свитере с эмблемой зоопарка Сан-Диего. Буквы на эмблеме потрескались от многочисленных стирок. На голове как будто гнездо стервятника, сплетенное из седых прядей. Доктор Пенн каждый день смотрит на учеников и видит свои несбывшиеся планы. Если он провалил экзамены в ветакадемию, это не повод вымещать злость на нас. Половина материалов на экзамене – бесполезная труха. Когда люди приводят собаку на кастрацию, неважно, отличает ли ветеринар зимнюю спячку от летаргии. На черта нам сдалось брачное поведение синежаберников?

Нет, ну правда!

Я не хочу стать таким же, как он, – пожилым занудой с белой полоской от кольца на загорелом безымянном пальце. Сегодня в моей гостиной не слышно трелей мобильного. За окном на покрывалах дремлют студентки, окутанные ласковыми лучами солнца. Вокруг сплошная благодать.

Я закрываю конспект, и оттуда выпадает красный листок бумаги. Крупный заголовок: «Пять аргументов против удаления когтей». Ниже рентгеновский снимок человеческой кисти с отделенными верхними фалангами. В самом низу – анонс благотворительной дегустации, организованной обществом «Друзья животных».

* * *

Вчера, дочитав последнюю порцию конспектов, я сделал парочку бутербродов с арахисовым маслом и джемом, чтобы сжевать по пути в студгородок. Неделию назад я записал лекцию по поведению животных на диктофон и сейчас слушал запись на полной громкости, кружа по стоянке в поисках свободного места.

Почти везде было занято. Наконец я обнаружил открытый паркомат, выскочил из машины и торопливо запихал в него монетки. У меня было пятнадцать минут на поиски Лекси.

Прежде чем закрыть машину, я пару раз пшикнул на себя одеколоном.

Ветер усиливался.

Я крепко сжал мобильник в руке и стал просматривать фотогалерею. С того момента, как мы поговорили с Лекси, мне до смерти хотелось определить ее внешность по голосу. Такова

наша любопытная натура – идти навстречу манящему зову. Любой ценой. Если мы не выясним, кому принадлежит соблазнительный голос, то сойдем с ума. Будем мучиться до конца жизни.

Все мы дикие индюки в лесу.

Я листал фотографии на телефоне. В каждом кадре позировала одна и та же компания девушек. В центре всегда находилась брюнетка. На Хеллоуин она была в атласной сорочке с тигриным принтом, отороченной черным мехом. Сорочка липла к телу, как наэлектризованная. На ногах у брюнетки были черные кожаные сапоги до колен. Копну темных волос украшали пушистые тигриные уши с белыми пятнышками. И даже глаза жутковато светились желто-коричневым, как у дикой кошки.

* * *

Не успел я дойти до спортзала, как начал моросить дождь. В лицо полетели холодные капли. Когда я встречу Лекси, то непременно расскажу, сколько неудобств причинил мне ее дурацкий телефон.

Мысленно я приготовил целую речь: «Я прошагал через весь студгородок под ледяным дождем, чтобы отдать тебе мобильник. Мне нужно выгуливать собак ровно через тридцать минут, а поскольку я потратил драгоценное время на встречу с тобой, то останусь без ужина. Голова уже побаливает от гипогликемии. У меня жуткий недосып – часов сто. И я зря потратил пятьдесят центов, потому что место нашлось только на платной парковке».

Когда она предложит вознаграждение, я почувствую себя героем, рыцарем в сверкающих доспехах, и скажу: «Не надо, оставь себе. Ты ничего мне не должна, я просто сделал то, что положено».

Полное противоречие Дарвину.

Ее сердце растает, и она рассыплется в благодарностях.

Шагая по бетонной дорожке, я продолжал фантазировать. Может, она меня обнимет. А может, даст свой номер телефона. И когда-нибудь пригласит на вечеринку.

Я начну общаться с людьми и вести активный образ жизни.

Сделав глубокий вдох, я открыл дверь в спортзал. У входа не было ни одной девушки. Никого и близко похожего на персонажей фото на мобильнике Лекси, только парень за стойкой.

Зажав в руке телефон, я подошел к нему.

– Привет!

Парень оторвался от ноутбука.

– Привет! Чем я... могу помочь?

– Ты удивишься, но я принес телефон твоей подружки Лекси.

– Ух ты! – вытаращился он. – Точно, она о тебе предупреждала.

– Ну вот. – Я протянул ему мобильник. – Держи.

– Хорошо, я передам, – ухмыльнулся парень.

Отчасти я почувствовал облегчение, что избавился от проклятой находки. Но отчасти меня подмывало остаться тут и подождать Лекси. Увидеть ее вживую. Услышать хоть какую-то благодарность. Увы, меня ждали собаки, потом конспекты по поведению животных. И подготовка к матанализу на понедельник.

Как только заканчивается один экзамен, сразу начинается следующий.

Я вышел из спортзала и зашагал по тротуару. В голове звучал голос Лекси. Перед глазами мелькали фото из ее мобильного, яркие, как экзотические рыбки в аквариуме.

Капли дождя сверкали в свете фонарей. Обернувшись, я в последний раз бросил взгляд на окно зала.

Она была там.

Лекси, в черной тенниске с короткими рукавами и «тигровых» штанах. Каштановые волосы с белым мелированием, собранные в узел. Глаза с золотистым блеском.

Panthera tigris во плоти.

Парень за стойкой улыбнулся и вручил ей мобильник.

Лекси принялась скакать, визжа от радости, затем бросилась парню на шею, а тот обнял ее в ответ.

Они стали покачиваться, имитируя медленный танец, и, клянусь, на миг парень перехватил мой взгляд и ухмыльнулся.

* * *

Сидя в одиночестве у себя дома, я перечитываю проспект от «Друзей животных» и размышляю о вчерашнем вечере. Прямо там, под ледяным дождем, свет из спортзала проник в мой мозг и принес озарение.

И я вспомнил.

Последний вопрос на экзамене.

Тот самый, о брачном поведении синежаберников.

* * *

Чтобы отложить икру, рыбы, подобно птицам и рептилиям, строят гнезда.

Однако в подводном мире этим занимаются не самки, а самцы.

Например, в период нереста доминантный самец синежаберника готовит для будущей самки десятки гнезд.

Иногда даже сильнейшим приходится проплыть лишнюю милю, чтобы получить шанс размножиться.

Когда крупный доминантный синежаберник заканчивает копать лунки в песке, он занимает позицию по центру и охраняет территорию, прогоняя остальных самцов. Более мелкие и слабые особи вынуждены прятаться в водорослях и наблюдать за ритуалом, как неудачники, сидящие в сторонке на выпускном балу.

Доминантный самец защищает свои гнезда круглые сутки, и с появлением самки, готовой отложить икру, его усилия наконец вознаграждаются. Как только дело сделано, он гонит партнершу прочь и вновь принимается охранять территорию, непрерывно махая хвостом, чтобы снабжать кислородом свежеоплодотворенные икринки.

Отвлечь его может только одно.

Новая самка, готовая к нересту.

Стоит синежабернику покинуть свое гнездо, как все его усилия идут прахом: более слабый самец выскакивает из укрытия и заново оплодотворяет икру.

Тот же выстрел из проезжающей машины, только в живой природе.

Таких самцов называют халявщиками.

* * *

В эту минуту, когда в гостиной стоит зловещая тишина – ни птичьего щебета, ни трезвона мобильного, – я могу дословно воспроизвести лекцию о брачном поведении синежаберников.

Вот только на экзамене я не написал в соответствующей графе ни слова.

Проспект «Друзей животных» краснеет поверх груди тетрадей, как пятно на брюшке черной вдовы. Я опускаю взгляд на часы. Дегустация вот-вот начнется. Я захлопываю книги,

а следом и ежедневник. Впервые со дня экзамена смотрю на секундную стрелку, ощущая быстротечность времени, хватаю ключи и уверенно иду к двери.

Майкл де Вито-мл. Мелоди⁸

От одного запаха Мелоди все волоски у меня на шее встают дыбом.

По ночам мы лежим вплотную друг к другу. Живот к спине. Молочный шоколад в сахарной глазури. Тело Мелоди липнет к моему, и мой дружок встает, упираясь ей в бедра, такие гладкие и блестящие в ночном свете. Я вдыхаю исходящий от нее аромат ванили и коричневого сахара... Просто словами не передать! Мы прижимаемся друг к другу, ни на секунду не размыкая объятий.

Когда я впервые вдохнул чудесный запах Мелоди, она стояла на кассе в супермаркете «Шопрайт». Волосы цвета карамели рассыпаны по плечам, точно ревущий водопад. На футболке видны только буквы «оди» и «лит». Я стоял перед ней, словно конкурсант на шоу «Колесо фортуны»⁹, тихонько щелкал пальцами рядом с ширинкой и пытался отгадать слово.

И тут она отбила очередному покупателю чек, взяла с кассы какой-то флакончик, sprysнула запястья и потеряла ими шею.

Тогда-то я и прочел надпись на футболке:

«Мелоди рулит».

Дорожный знак, указывающий прямо на небеса! В воздухе запахло ванилью, как в отделе мороженого. На языке я ощутил сладкий вкус коричневого сахара.

Когда подошла моя очередь, единственное, что пришло мне в голову, – купить этого спрея, чтобы завоевать Мелоди. Поэтому я не стал расплачиваться, а бросился назад – набрать столько флакончиков, сколько смогу унести. По дороге я чуть не сбил с ног свою соседку миссис Лаудер.

– Осторожнее! – вскрикнула она.

Но я мог только щелкать пальцами в такт имени Мелоди – что за имя! Так и хочется повторять его снова и снова.

В отделе, где расставлены всякие пахучие бутылочки, я сразу узнал ванильно-сахарный спрей по картинке на этикетке и сгреб в охапку восемь флаконов. До кассы я донес только шесть. Ох уж эти руки-крюки... Я свалил их в корзину, в которой уже лежало арахисовое масло «Питер Пэн», набор губок «Аякс» и журнал «Ворлд реслинг энтертейнмент».

Миссис Лаудер сохранила за мной место в очереди – словно место в раю! Так что я снова занял его и встал перед Мелоди. А она подняла на меня свои глазища цвета голубых «Скиттлз» и сказала:

– Здравствуйте!

А потом добавила:

– Этого вам хватит надолго.

Тут-то я и протянул ей три флакончика с ванильно-сахарным спреем. Я знал, что это мой шанс, поэтому заглянул в ее огромные глаза и прощелкал пальцами в такт словам: «Будь моей девушкой!»

Мелоди отвела взгляд, но флакончики взяла.

– Ой... спасибо! Увидимся позже.

Я аж пальцами прищелкнул: «Да!» Забрал покупки и пошел к выходу. Да, Мелоди, увидимся позже!

Когда я переходил дорогу, машины с визгом тормозили, а один шофер заорал:

⁸ Melody. Michael De Vito, Jr., copyright © 2014. Перевод Татьяны Зюликовой.

⁹ «Колесо фортуны» – популярная телевикторина США. Выходит в эфир с 1975 года. Русский аналог – «Поле чудес».

– Придурок, етьтвою!

За спиной у меня миссис Лаудер кричала, чтобы я был осторожнее.

Дома, чтобы нескучно было ждать, когда наступит обещанное Мелоди «позже», я врубил группу «Джет», а сам встал перед зеркалом и начал шевелить губами, будто пою под фонограмму. Я громко топал в такт барабанному «та-та-та», горстями запихивая в рот «Скиттлз», пока язык у меня не сделался зеленым, как у Джорджа Стила по прозвищу Зверь¹⁰.

Я зарычал на свое отражение в зеркале и высунул язык – совсем как Зверь.

Наконец «позже» наступило, и я понял, что должен – просто должен! – вернуться.

Она стояла одна и сбрызгивала овощи водой, чтобы не увяли.

Мелоди и ее белоснежная, как из рекламы «Колгейта», улыбка сказали мне: «Ты вернулся!» А потом Мелоди выпустила из спрея струю прямо в красные перцы: «Конеш-ш-шно!»

Это «Конеш-ш-шно» придало мне смелости. Я схватил в фруктовом ряду яблоко в карамели и упал на одно колено. Потом протянул яблоко Мелоди, и, представьте себе, она его приняла! Да с таким изяществом – ну вылитая Ванна Уайт!¹¹

Вот так Дуги с Мелоди стали парочкой.

Такая уж штука – любовь. Вдохновляет на то, чего сам от себя не ожидаешь. Ставит тебя на колени.

В общем, выхожу я из супермаркета «Шопрайт», а мне навстречу – миссис Лаудер, нагруженная покупками. Она увидела, как я лихо перемахиваю через столбики ограждения, и сказала, что ей требуется «грубая мужская сила». «Будь душкой, поднеси мне сумки до дома». Ну, после того как я завоевал сердце Мелоди, мне все было нипочем: я сгреб миссис Лаудер в охапку вместе с сумками и ринулся через улицу. Такая уж штука эта любовь! Делает человека сильнее. Всю дорогу живот у миссис Лаудер трясся, титьки подпрыгивали, а сама она вопила: – Дуги, не надо! Дитя великовозрастное! Ты же убьешься!

Мистер и миссис Лаудер живут этажом ниже. Когда я к ним заглядываю, они всегда угощают меня сэндвичами с болонской колбасой «Оскар Майер» и даже наливают мне пива «Курс». У меня нет денег на компьютер, и они разрешают пользоваться своим, когда мне надо пошарить в интернете.

Есть один такой сайт, где можно найти все что угодно с надписью «Мелоди». Я тут же покупаю сразу три футболки: «Я и Мелоди», «100 % Мелоди» и «Собственность Мелоди». Как только заказ приходит по почте, миссис Лаудер помогает мне завернуть все три в оранжевую бумагу цвета «Скиттлз» со вкусом манго.

Когда я вручаю сверток Мелоди, она открывает рот от удивления: «О!»

«Сюрприз!» – громко щелкаю я пальцами.

Теперь по ночам мы оба надеваем эти футболки и ничего больше. Никаких трусов – так легче двигаться. Она обычно бывает в той, что с надписью «100 % Мелоди». Ее голая попка прижимается ко мне, как воздушный шар. Моя футболка, «Собственность Мелоди», покрыта засохшими пятнами – их оставляет мой дружок, которому Мелоди разрешает входить в себя. Когда я кончаю в нее, то стискиваю ее в объятиях со всей своей грубой мужской силы – так крепко, что жидкость сочится наружу.

Каждое утро я просыпаюсь под одну и ту же песню.

Я завязываю галстук перед зеркалом – правый конец через левый, потом в центр. Сопли не гоняю, потому что Мелоди спит. Наконец в два счета натягиваю коричневый пиджак.

Перед уходом я поворачиваюсь к Мелоди и выщелкиваю: «Ты – моя девушка!»

¹⁰ Джордж Стил по прозвищу Зверь (род. в 1937 г.) – американский реслер. Настоящее имя – Уильям Джеймс Майерс. Один из любимых приемов – высовывать на ринге язык, окрашенный в зеленый цвет.

¹¹ Уайт, Ванна (род. в 1957 г.) – американская актриса и ведущая телевикторины «Колесо фортуны».

С порога я посылаю ей воздушный поцелуй, чтобы она знала: мы встретимся позже и вместе будем сбрызгивать овощи водой. Разумеется, я не забываю помахать мистеру Лаудеру, который сидит перед домом с газетой. Я щелкаю пальцами рядом с ширинкой в такт имени Мелоди и отправляюсь на другую сторону холма – работать.

В офисе вечно играет какая-то попсытина. Я сижу в тесном кресле, перебирая папки, и день тянется нескончаемо долго. Такая уж штука – любовь: даже час без Мелоди кажется целым днем!

Наконец менеджер, этот мистер Всезнайка, проверяет, что я там наработал.

– Дуги, в алфавите буква «Е» стоит перед «М», – говорит он, поправляет очки на крючковатом носу и продолжает просматривать папки. – Раньше ты таких ошибок не допускал. Придется все переделывать.

Когда я сажусь на место, штаны у меня на задку рвутся.

Все оборачиваются на треск, и я нарочно разрываю какую-то бумажку и стараюсь не гонять сопли.

И тут, представьте себе, по радио звучит группа «Джет»: «Ты станешь моей девушкой?»... Я начинаю раскачиваться взад-вперед, потому что это и есть моя утренняя мелодия. Поняли, в чем соль? Моя утренняя ме-ло-ди-я.

Менеджер хлопает в ладоши в такт музыке. Он достает телефон, нажимает кнопку и говорит:

– Привет, детка! Ну что, как моя девочка поживает?

Переделывая работу заново, я поглаживаю трубку телефона, который стоит у меня на столе.

Но миссис Лаудер говорит, что в разлуке любовь только крепче.

Потом менеджер манит меня пальцем.

– Готово?

Я утвердительно щелкаю пальцами, стуча коленками в такт музыке. Стою перед столом менеджера и притопываю на месте. На столе – фотография его девушки.

Он видит, что я на нее смотрю, и говорит:

– Красотка, да?

В ответ я только щелкаю пальцами – куда уж ей до моей Мелоди! Или до Ванны Уайт! – и тычу в фотографию пальцем.

У мистера Всезнайки неплохая реакция. Он ловит фотографию на лету и ставит на место, потом машет мне на дверь:

– Дуглас, на сегодня достаточно. Можешь идти.

Я выбегаю из офисного здания и так спешу на встречу с Мелоди, будто мои порванные брюки горят адским пламенем. Машины оглушительно гудят, словно сигнал на ринге, и я сам не слышу, как выщелкиваю: «Мелоди, Мелоди, Мелоди».

По другой стороне улицы идет миссис Лаудер.

– Осторожнее, Дуги! – кричит она мне.

Я машу ей рукой и вхожу в супермаркет. Моя девушка стоит рядом со складским помещением и разговаривает с другой девушкой, которая пытается под нее косить. Те, кто воображает себя кем-то другим, не настоящие, а просто подделки. Но добрые люди во всех видят только хорошее.

При виде меня Мелоди высоко вскидывает руки:

– Вот и ты!

Я опускаюсь на одно колено и широко развожу руки в стороны: «Вот и я».

Когда я начинаю вставать, девушка-подделка пронесется мимо и заезжает мне локтем в грудь. Она отскакивает от меня, как Брайан Кендрик¹² от натянутых вокруг ринга веревок, но я быстро подхватываю ее, чтобы она не упала. Презрительно задрав носик, она говорит Мелоди:

– И чего ты в нем нашла?

Мелоди встает на цыпочки и дотрагивается до моего плеча. Я вспыхиваю так, что лицо у меня становится краснее клубничных «Скиттлз».

– Дуги – мой счастливый рыцарь в конфетных доспехах, – произносит она.

В ответ девушка-подделка обидно бросает:

– По-моему, он больше похож на сорокалетнюю лысеющую гориллу, которая все время ходит в одном и том же старом костюме.

Но Мелоди вкладывает свою маленькую ручку в мою большую ладонь, и мы вместе идем сбрызгивать овощи. Когда мы проходим мимо яблок в карамели, Мелоди хлопает в ладоши и спрашивает:

– Помнишь?

А я заверяю ее в верности и выщелкиваю: «Разве можно забыть такое?»

Мы вместе сбрызгиваем перцы и помидоры, а потом идем к выходу, всю дорогу держась за руки. Я подпрыгиваю и ногой нажимаю на кнопку, которая открывает дверь. Ох, ну и любит же Мелоди посмеяться!

На прощание она целует меня в лоб:

– Ну что, увидимся позже, да?

«Конечно!» – выщелкиваю я в ответ.

Переходя через дорогу, я широко улыбаюсь мистеру и миссис Лаудер. Машины сигналият как сумасшедшие, так что я даже перестаю гонять сопли.

Супермаркет «Шопрайт» хорошо виден из окна моей квартиры. Мелоди всем помогает укладывать покупки – каждую упаковывает в два пакета и никогда не положит отбеливатель «Клорокс» вместе с яйцами «Лэнд о-лейкс».

Сегодня в гостях у Пэта¹³ и Ванны особые конкурсанты – близнецы. Веселая компания. Мы вместе покупаем гласные, но как я ни стараюсь, они всегда отгадывают слово вперед.

К полуночи веки у меня становятся настолько неподъемными, что впору выступать в тяжелом весе. Мелоди прокрадывается в квартиру на цыпочках – боится разбудить своего игривого тигра. Подходит поцеловать меня на ночь, а я притворяюсь, что крепко сплю, а потом внезапно вскакиваю и обнимаю ее: «Попалась!» Мелоди всегда хватается за сердце, когда я так делаю.

Стоя перед висящим возле шкафа зеркалом, я помогаю Мелоди снять грязную рабочую одежду, затем поднимаю ей руки вверх и так и держу, пока она натягивает футболку с надписью «Мелоди рулит». Потом, от избытка «грубой мужской силы», я подхватываю Мелоди на руки и отношу в постель. Мы лежим спина к животу, тремса, сдавливаем, стонем. «Я люблю тебя, Мелоди», – выщелкиваю я.

Иногда я стискиваю ее так сильно, что она пукает.

Мы просто умираем со смеху, когда это случается.

А потом плачем, пока не заснем.

В субботу наша утренняя песня включается слишком скоро, потому что по субботам Мелоди уходит на работу раньше обычного. Я помогаю ей подняться с постели и делаю нам две большие кружки горячего шоколада «Нестле». Потом открываю перед Мелоди дверь и отдаю ей честь.

¹² Брайан Дэвид Кендрик (род. в 1979 г.) – американский реслер.

¹³ Пэт Сэйджак (род. в 1949 г.) – ведущий телевикторины «Колесо фортуны».

С нижнего этажа мистер Лаудер кричит мне:

– С добрым утром!

Я отдаю честь и ему.

Ближе к обеду я собираю несколько пакетиков «Скиттлз» – угостить Мелоди – и начинаю натягивать костюм.

Я выглядываю в окно – проверить, как дела у нее на работе. Небо настолько ярко-голубое, что у меня только один вопрос в голове: и за что мне посчастливилось влюбиться в Мелоди?

Но сегодня я вижу за окном такое, что задаю себе совсем другой вопрос. Мелоди сидит на капоте машины, стоящей на парковке. И она не одна. «Эй, Мелоди! – стучу я по стеклу. – Почему ты с другим?!» Она прижимается к нему. Обнимает. Целует в лоб.

Штаны одевать некогда. Я должен – просто должен! – добраться до супермаркета и отодрать мистера Шофера от моей Мелоди. Я бегу вниз по лестнице, сигая через две ступеньки, и чуть не сшибаю с ног мистера Лаудера.

– Дуги, где твои штаны? – Он хватается меня за руку. – Немедленно вернись!

Но я опрокидываю соседа на пол и перепрыгиваю через него.

Стеклянные двери разлетаются на миллион осколков. Мелоди оборачивается, видит, как я бегу к ней в одних трусах и рубашке, и выхватывает из кармана телефон.

Раздается визг тормозов, но машина все-таки врывается в меня. Я отскакиваю от ветрового стекла, сползаю по капоту, совсем как чемпион Томми Дример¹⁴, и бегу дальше.

Все это время мистер Лаудер кричит у меня за спиной:

– Дуги, вернись!

Но моя цель – «Шопрайт». Когда я оказываюсь на месте, то даже не нахожу что сказать, поэтому просто сгребаю шофера-совратителя в охапку и швыряю его на землю.

¹⁴ Томми Дример (род. в 1971 г.) – американский реслер и актер. Настоящее имя – Томас Джеймс Лафлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.